

СИБИРИАДА

ВЛАДИМИР
ТОПИЛИН

Тайна
озера
Кучум

Сибиряда

Владимир Топилин
Тайна озера Кучум

«ВЕЧЕ»

2015

УДК 821-311.6
ББК 84(2Рос=Рус)6

Топилин В. С.

Тайна озера Кучум / В. С. Топилин — «ВЕЧЕ»,
2015 — (Сибириада)

ISBN 978-5-4484-7012-7

На пороге XX века Восточную Сибирь захлестнула эпидемия «золотой лихорадки». Вчерашние спокойные, добродушные таежники, промысловики, охотники на глазах своих близких превращались в алчных и беспощадных стяжателей либо в забитых и запуганных полурабов. Шестнадцать лет минуло с той поры, как Загбой и его семья оказались на затерянном в тайге прииске не по своему желанию, но обманом завлеченные туда хитрым и жестоким хозяином. Но однажды Ченка, дочь старого тунгуса, нашла в лесу полуживого геолога, выходила его, и жизнь их постепенно стала налаживаться. Вот уже и своя дочка подросла, превратилась в славную охотницу, а мрачные загадки прошлого не отпускают. Кто же погубил экспедицию геологов? Настигнет ли возмездие разбойника и убийцу Агафона? Тот ли он человек, за которого себя выдает золотопромышленник Набоков? И кому, наконец, достанется прииск Новотроицкий?..

УДК 821-311.6
ББК 84(2Рос=Рус)6

ISBN 978-5-4484-7012-7

© Топилин В. С., 2015
© ВЕЧЕ, 2015

Содержание

Холод белков	5
Легенда о жестоком Кучуме	17
Тайный гость Новотроицкого прииска	25
Следы давно минувших дней	42
Агафон	59
Конец ознакомительного фрагмента.	66

Владимир Топилин

Тайна озера Кучум

Холод белков

Холодные лучи низкого зимнего солнца разорвали ледяные облака. Прозрачное золото небесного светила жарковым покрывалом упало на неоглядный простор угрюмой тайги. Лёгкий ветер-верховик с робким шумом побегал по вершинам деревьев. От воздушного прикосновения медленно закачались мёрзлые ветви вековых исполинов. Сбрасывая с широких лап серебристую кухту, вздрогнули задремавшие кроны лохматых кедров. Хаотично раскачивая острые, пиковидные макушки, закачались чёрные пихты и ели.

Предчувствуя резкую перемену погоды, замер живой мир. Приподняв хохлатую голову от алых гроздьев рябины, насторожился чуткий рябчик. С тревожным шумом взорвалась и улетела с наклонившейся ольхи стайка седых дроздов. Спрятавшись за скрипевший ствол промёрзшей пихты, отчаянно тенькнула седая синица. Кручёным выюном заметался в стволах деревьев юркий поползень. Звонко цокнув, к вершине ели взлетела пышнохвостая красавица белка.

Но вполне обычное явление природы очень быстро внесло в живые ряды обитателей тайги свои коррективы. Убедившись в отсутствии опасности, призывая соседей к всеобщему порядку, протяжно, успокаивающе свистнул рябчик. Шумно порхнув на рябинку, он спокойно принялся клевать щедрые дары природы. Доверяясь его поведению, на снежное покрывало земли упали неугомонные синички. Проверя ситуацию, вопросительно пикнул поползень. Определяя наличие всех членов своей стаи, негромко заговорили дрозды.

С резким, своеобразным, режущим свистом сложенных крыльев откуда-то с небес сорвалась вездесущая кедровка. Расправив крылья у самой земли, она сделала неповторимый пируэт, остановила поднебесное падение у самой земли и, изменив полёт на девяносто градусов, уселась на нижние сучки кедра. Недолго осмотревшись, убедившись в отсутствии опасности, она плюхнулась в пушистый снег, взрыхлила перену¹ своим крепким вороньим клювом перед собой и вытащила кедровую шишку. Находка тут же подтвердилась восторженным карканьем: призывая на трапезу своих братьев, таёжная сорока громко закричала. Однако на её взволнованный голос быстрее всех прореагировала предприимчивая белка. Она увидела в когтях кедровки шишку – самую лакомую пищу – и тут же, расправив лапки в затыжном прыжке, спрыгнула с самой вершины ели на снег. Не ожидая подобного трюка, кедровка испуганно взлетела высоко вверх, забыв прихватить найденный плод. Белка тут же подскочила к шишке, схватила её цепкими лапками и принялась за еду.

Оправившись от шока, увидев, что объектом смертельного страха явилась всего лишь белка, кедровка чувственно, необычайно громко затрещала на всю округу и бросилась на обидчицу. Если какое-то мгновение назад голос длинноклювой рябухи предвещал блаженное торжество, то теперь непрерывное возмущение напоминало запоздалые вопли бабки Засошихи, у которой соседский бык Буян слопал на парнике все огурцы. Завидев, что её орешки быстро исчезают в острозубой пасти, кедровка едва не лишилась всех своих чувств от горя. С захлёбывающимся скрипом она бросилась на белку. Полная решимости разбить голову клювом, она зависла над нахальным врагом.

Но пышнохвостка оказалась смелее, чем думала птица. Белка не желала отдавать шишку. Защищая лакомство, она сделала стремительный выпад навстречу рябухе. Кедровке стоило

¹ Перенова – первый прочный снежный покров в начале зимы

огромных усилий избежать острых резцов. Едва увернувшись в сторону, сорока взлетела на ветку той же самой ели и, переживая своё второе поражение, ненадолго замолчала.

Выпад белки был не более чем самозащита от посягательства кедровки на добычу. Она не собиралась причинять рябухе какого-то вреда. Отбив атаку, она тут же вернулась к шишке и принялась за трапезу. Весь её преспокойный вид говорил о том, что «я не такая уж и беззащитная и в некоторых случаях могу за себя постоять».

Через какое-то мгновение, по прошествии шокового состояния, увидев, что кедровые орешки исчезают на беличьих зубах, кедровка вновь затрещала, но теперь уже от негодования. Но урок грызуны не прошёл даром. Бедовая рябуха поняла, что одной ей не справиться. Теперь кедровка орала тревожно, призывая на помощь. На голос стали слетаться другие кедровки. Появляясь из глубины леса, даже не разобравшись в ситуации, они подняли такой переполох, от которого с близстоящих деревьев посыпалась мелкая изморозь.

На концерт по заявкам пышнохвостка не обращала никакого внимания. Даже не удостоив взглядом слетевшуюся братию, она продолжала лугзгать питательные орешки. После трёхдневной метели, во время которой ей пришлось отсиживаться в своём гайне, белка была слишком голодна, чтобы обращать внимание на какую-то мелочь. Пустой желудок требовал пищи, и это притупило все чувства предосторожности. В тревожных криках кедровок она не видела какой-то опасности. Зерна были так вкусны, что она обо всем забыла.

В стороне насторожился рябчик. Всё это время, наблюдая со стороны перепалку неугомонных птиц, он вдруг вытянул шею, нахохлился, закрутил головой. Услышав неопределённый шум, петушок нервно зачирикал предупреждающую трель и, резко порхнув, быстро растворился между деревьев. Вместе с ним замолчали кедровки. Ещё какое-то время они смотрели куда-то вверх, в гору, затем дружно снялись с покачивающихся веток и молча разлетелись по тайге.

Приближающуюся опасность белка услышала последней: на секунду замерла столбиком, нервно пошевелила кисточками ушей, схватила зубами недоеденную шишку и молнией метнулась к спасительной ели. Быстро перебирая лапками, седая грызуныя взлетела до середины дерева и замерла меховым комочком.

Из многочисленных врагов белки в тайге самым беспощадным, коварным и жестоким, без всякого сомнения, является соболь. Трудно передать всю ту энергию, скорость и реакцию, которыми пользуется хищник при охоте на желанную добычу. Молниеносные выпады, стремительные прыжки, смертельная хватка, превышающие движения белки в несколько раз, не оставляют грызуну никаких шансов на спасение. Единственное, что может спасти безобидную пышнохвостку от мгновенной смерти, близстоящее дерево. В сравнении с соболем более неуклюжая и даже меланхоличная белка способна лишь на ловкие прыжки с дерева на дерево. На языке охотников подобный метод спасения называется «идти верхом». Более лёгкое – по сравнению с соболем – тело позволяет белке совершать длиннее прыжки, чем у аскыра. Поэтому до сих пор данный вид не только живёт и существует, но и процветает.

Сегодня же угрозой для белки был не соболь. Скачущий в рыхлом снегу зверь был намного больше и крупнее. По бурому, рыжеватому цвету шерсти можно было предположить, что на свою охоту вышла росомаха. Этот крепкий и выносливый зверь является настоящим бичом живого мира тайги. Он не брезгует падалью, давит и поедает всех млекопитающих, начиная от мыши до сохатого. Настоящий таёжный бродяга нападает и на соболя, а зазевавшаяся белка поедается им с огромным удовольствием. Но росомаха всегда передвигается более осторожно, мягче и тише. Этот же зверь шел тяжело, шумно, медленно, глубоко утопая в снегу. Полностью определить животное белке помог звонкий голос, набатом колокола сорвавшийся из открытой пасти. Увидев метнувшийся по стволу дерева серый комочек, незнакомый зверь подал голос, который нельзя спутать ни с одним животным. Собака!

Собачий лай испугал белку. По всей вероятности, она ещё ни разу не сталкивалась с верным другом человека. Более того, когда в суровое время года любое живое существо для грызуна является только врагом, этот пугающий голос вызвал у белки панический страх. Она бросила недоеденную шишку и, быстро перебирая лапками, стрелой взлетела к вершине ели. Тут же, подчиняясь инстинкту самосохранения, путая следы, метнулась на соседнее дерево, затем далее, прыгнула ещё и ещё, «пошла верхом». И только лишь достигнув огромного, густого, разлапистого кедра, затаилась в глубине веток пушистым комочком.

Но лайка оказалась опытной бельчатницей. Увидев уходящую белку, она прервала свой голос, точно проследила зверька до того места, где он затаился, и только лишь потом заговорила. Теперь собака звала к себе хозяина.

Ждать пришлось недолго. В той стороне, откуда тянулся глубокий собачий след, раздался негромкий, равномерный шорох. С каждым мгновением звук нарастал, пока наконец-то не превратился в однообразную, знакомую любому охотнику песнь катившихся лыж.

Вот между чёрных стволов деревьев мелькнула тень. Петляя, изворачиваясь от препятствий, оставляя за собой две ровных полосы, она быстро приближалась. На полянку к собаке выехал человек. Опершись на таяк, он навалился на правую сторону и, круто развернувшись на лыжах, остановил своё движение. Собака бросилась навстречу с радостным лаем, но, не добежав и половины пути, развернулась и побежала назад к кедру, на котором затаилась добыча.

Охотник поправил небольшую отороченную (шкуркой соболя) шапочку и оценивающе посмотрел на дерево. Сразу же нашёл седой комочек, радостно улыбнулся, стал хвалить собаку: – Молотес, Кухта! Пелоську закнала!

Морозный воздух наполнился удивительно чистым, мягким и нежным девичьим голосом.

Вопреки ожиданиям увидеть на охотничьей тропе сильного человека, настоящего мужчину, появилась юная представительница слабого пола – Ульяна, коротко – Уля.

Вот и наступило то мгновение, когда через шестнадцать лет на сцене описываемых событий появляется та самая крошка Улечка, которая была рождена Ченкой в долине Трехозёрья. Более подробно о событиях, предшествующих этому, будет рассказано дальше. А сейчас вернёмся к сцене охоты.

Белка сидела высоко, в нескольких метрах от макушки тридцатиметрового кедра. Внимательно посмотрев на нее, Уля сняла из-за спины малокалиберную винтовку, прижала приклад к плечу, представила будущий выстрел. Положение юной охотницы было невыгодным. Головку белки скрадывали густые хвоинки, от которых вращающаяся пулька могла дать рикошет. Это привело бы к промаху или ещё хуже – к ранению зверька. Промahnуться – значит зря выпустить пульку и сжечь пороховой заряд. Пуля стоит дорого, целых две копейки. В туеске у Ули все пульки на учёте. К тому же испуганная выстрелом белка может перескочить в другое, более скрытое, место, и затаиться так, что добыть её будет очень тяжело. А обранить белку – значит испортить шкурку. Простреленная в спинку шкурка – брак. Так говорят все охотники. Уля знает множество случаев, когда за простреленную в спинку или даже шею шкурку белки купцы скидывают сразу же половину цены. Значит, надо стрелять только в голову, сбоку. Тогда шкурка пойдёт в полную стоимость, за четыре копейки. Но, самое главное, при выстреле в голову она умирает мгновенно, не почувствовав боли. Это значит, что живое существо не будет мучиться, и за охотником не будет греха. Так говорит Улин дедушка Загбой. Вот почему девушка всегда старается стрелять метко, один раз, на убой и только в голову. Для этого надо найти то место, откуда полёт пульки будет чистым, без препятствий или преград на своём пути.

Уля быстро нашла такое место. Стараясь не потревожить зверька, девушка осторожно, без лишнего шума и резких движений притоптала лыжами снег, воткнула перед собой таяк. Затем проверила винтовку: сняла предохраняющий от попадания в ствол снега чехол, залепила

на пенёк казны капсюль, положила цевьё винтовки на таяк и, пружинисто приседая на ногах, подвела мушку к головке добычи.

Звонким щелчком треснул выстрел. Даже не дрогнув, мгновенно обмякшим телом «чисто битая» белка безжизненным комочком полетела вниз. Всё это время внимательно следившая за отстрелом Кухта невысоко подпрыгнула навстречу падающей добыче, ловко, но в то же время аккуратно подхватила пышнохвостку и, убедившись в её смерти, подала хозяйке.

Довольная удачей Уля не поскупилась на похвалы своей любимице, ласково погладив собаку. После чего Кухта важно, с чувством исполненного долга – теперь уже равнодушно – отошла в сторону, стала прихорашиваться.

Кухта – прямая наследница эвенкийской лайки и волка, внучка Чирвы и Князя. Она приобрела все необходимые качества для жизни в тайге, что были переданы ей с молоком бабушки и кровью деда. Вязкость, азарт, настойчивость, терпение, выносливость переплелись в собачьей душе со дня рождения и сделали собаку неразлучной спутницей Ули в нелёгкой охотничьей жизни. И вряд ли кто из знающих людей скажет, что между девушкой и матёрой сукой нет преданной дружбы, которая переходит в безграничную, обоюдную и понятную любовь человека и животного.

В последние пять лет девушка и собака всегда вместе. С первых дней после рождения, ещё слепым щенком Кухта навсегда запомнила запах тёплых, нежных рук девушки. Она чувствовала заботу девочки. Со времён рождения Кухта никогда не видела свою подругу злой или взбешённой, не слышала от неё резких или грубых слов и тем более никогда не испытывала удара прутом или даже палкой, как это было в обращении других хозяев со своими собаками. За эти годы она научилась понимать настроение своей хозяйки с одного взгляда, радовалась вместе с ней, когда у неё было хорошее настроение. Она разделяла трудности совместной жизни, грустила, когда у Ули были чёрные дни, молча прижималась к груди девушки, слизывая языком горячие слёзы.

Чувствуя состояние души хозяйки, сука старалась предугадать её желания. Она легко выучила и запомнила то количество команд, которое было необходимо им для общения, слушалась девушку с полуслова, могла подать голос и, наоборот, затаиться, сторожила оставленные вещи или вход в помещение сутками. Беспрекословно подчинялась командам сидеть и лежать. А самая желанная, главная команда для неё было стремление послужить, подать тот или иной предмет. Кухта подавала не только то, что просила хозяйка, но и то, что было нельзя. Она имела привычку со щенячьего возраста утаскивать чужие вещи и тоже подавать их в руки хозяйки. Если сказать точнее, она была неисправимой проказницей: тащила всё, что плохо лежало, будь то оставленные без присмотра бродни, портянки, чашки, кружки, ложки и даже котелки. Всякий раз, подавая свою находку в руки Ули, она виновато опускала глаза, чем давала понять, что не хотела этого делать. Уля нарочито ругалась, отбирала вещи, возвращала хозяину и тут же обнаруживала, что та уже притащила в зубах другую украденную вещь.

Приисковые жители возмущались. Нередко разгневанный хозяин сразу же шёл во двор, где жила Кухта. Девушка помнит много случаев, когда старатели хотели наградить её палкой или кнутом. И только лишь настойчивые просьбы, постоянная защита Ули ограждали от возмездия. И воровство продолжалось. Моральные наставления девушки тоже не имели должного результата до тех пор, пока Кухта не распрошлась со своей шаловливой молодостью. Но по старой памяти всё равно притаскивала подруге те вещи, что находила в тайге, где-нибудь за территорией прииска, которые казались ей наиболее интересными. В их число входила большая трубка конюха Ивашки, которая вывалилась изо рта хозяина, когда тот, находясь в нетранспортальной стадии опьянения, уснул где-то за конюшней. Был и большой охотничий нож кривоногого чалдона Посоха, непонятно как оказавшийся на охотничьей тропе неподалёку от Грозового белка. Ещё – золотые часы золотопромышленника, купца Оглоблина, случайно выпавшие из его кармана в то время, когда он миловался с игривой женой старателя Петракова Захара

Марьей в густых тальниках на берегу озера. От таких находок Уля не могла отказаться никак, словно понимая, что это способствовало открытию маленьких тайн. А разгадывать загадки девушка очень любила. За такие открытия собака получала от хозяйки только положительную оценку, что подталкивало на новые поиски.

В этот день Кухта тоже являлась героиней произошедшего события. И пусть белка была обычной добычей, сука понимала, что главная роль отводилась ей. Это она нашла белку, облаяла ее и позвала хозяйку. Это она подала стреляного зверька и получила от Ули несколько ласковых слов. Кухта чувствовала полное удовлетворение и уже более чем равнодушно молча смотрела на хозяйку, которая ловко свеживала белку.

Когда мягкое золото заняло своё место в кармане куртки хозяйки, Кухта пружинисто вскочила на ноги и, склонив набок свою голову, вопросительно посмотрела на Улю в ожидании дальнейшей команды.

– Идём назад, – махнула девушка рукой в гору и проворно заскользила между деревьями.

Кухта обогнала ее, запрыгала по своему следу впереди. Своим приходным следом они быстро вышли на охотничий путик. Там их терпеливо ожидала старая важенька, оленуха Хорма. Услышав движение, она зашевелила ушами, принялась, зорко вглядываясь в густой пихтач, замерла седой корягой. Убедившись, что возвращается хозяйка, Хорма степенно повернула рогатую голову назад, в сторону своего игривого сына и негромко, успокаивающе фыркнула. Небольшой, полугодовалый оленёнок Харчик на голос матери отреагировал по-своему. Команда важеньки – толчок к очередным проказам непослушного сына. Выскочив из-за спины матери, он закрутил комолой головой, зафыркал, выискивая округлившимися глазами пока что ещё невидимого соперника и, выбивая снег из-под копыт, ударил ногами.

Из-под горы подбежала Кухта. Харчик издал боевой клич, весело, но в то же время игриво-грозно замычал, склонил к земле голову и, смешно взлягивая задними ногами, бросился на собаку. Пытаясь подцепить Кухту на будущие рога, он побежал вниз, под горку, но, вдруг не удержавшись на тонких ногах, споткнулся о кедровый корень и перевернулся через голову. Сука едва успела отскочить в сторону, как оленёнок с жалобным мяуканьем упал в пушистый снег. Ещё не понимая, что произошло, он быстро вскочил, уставился на Кухту. Причиной своего падения он посчитал собаку, которая предлагает поиграть в чехарду. Оленёнок опять закрутил головой, бросился на собаку.

На предложение поиграть Кухта ответила полным безразличием. Она находилась в неподнятом эмоциональном настроении от удачи на охоте. Не хотела прыгать и веселиться. Сука просто отошла в сторону, присела, стала чесать за ухом лапой.

Но Харчик настойчив. Не отступаясь от задуманного, он угрожающе мукнул, бросился в новую атаку. Кухта ответила негромким, предупреждающим рычанием. Воспринимая её голос как призыв к действию, оленёнок скакал и прыгал вокруг, подставляя собаке то правый, то левый бок. Суке надоела его настойчивость. Не выдержав, она сделала резкий выпад и слегка прикусила Харчику ухо зубами. Этого было достаточно, чтобы игривый шалун убежал за спину матери. Обидевшись на собаку, он притих, недоумевая, почему подруга, с которой он рос с самого рождения, отнеслась к нему так.

Улыбнувшись своим четвероногим друзьям, Уля подошла к Хорме, открыла кожаную потку, положила в неё добытую шкурку белки. Отдельно к продуктам бросила тушку – вечером будет отличный ужин. Тут же, заученно ткнув рукой в боковой кармане потки, достала кисет с провиантом. Набрала мерку пороха, засыпала заряд в ствол винтовки. Сверху шомполом задавила свинцовую пульку. Когда заряд был готов, на ствол закрепила кожаный мешочек, чтобы не попал снег, забросила ружьё за спину, взяла в руки таяк и, в два движения развернувшись на лыжах, коротко бросила:

– Мод!

Ожидавшие команду животные разом двинулись за своей хозяйкой. Нервно чихнув носом, от дерева к дереву, где меньше снега, запетляла Кухта. Широко переставляя чашки копыт, следом по лыжне мягко поплыла завьюченная Хорма. Стараясь вырваться вперёд, обгоняя мать, засуетился Харчик. Маленький охотничий караван продолжил движение по путику.

Улин путик большой и длинный. На проверку ловушек молодая охотница выходит рано утром, в серых сумерках рассвета, и только лишь к вечеру, когда малиновые лучи заката окрасят высокие вершины белогорий, девушка приходит к одинокому зимовью, где ей предстоит ночёвка.

На путике очень много ловушек. Они тянутся друг за другом и расположены таким образом, что от одной видно следующую. Всякий раз проходя по путику, девушка пытается сосчитать количество самоловов, однако это плохо удаётся, так как Уля умеет считать только до десяти. Число десять – количество пальцев на её руках. После того как число пройденных ловушек соответствовало числу пальцев, она откладывала небольшую палочку в карман. К концу перехода щепочек оказывалось так много, что она не могла понять, как назвать их количество. Они раскладывались на две кучки, по числу пальцев на её руках, и ещё оставались три лишние, что и ровнялось количеству ловушек. Глядя на них, она тихо качала головой и негромко шептала: «Много, очень много...»

На прииске Уля спрашивала, как называется это число. Дедушка Загбой многозначительно цокал языком. Мама, Ченка, удивлённо открывала рот. Кухарка Пелагия равнодушно называла двумя словами: «Двести тридцать». Конюх Ивашка и сам не умел считать. И только лишь крёстный отец Ули, одноногий Егор, ласково смотрел девушке в глаза, гладил ладонью её чёрные волосы и уважительно отвечал:

– Это очень много! Это тяжёлый труд промысловика.

Ловушки называются плашки – довольно простое, примитивное и одновременно хитрое, проверенное не одним поколением охотников-промысловиков орудие лова. Под дерево на три вбитых в землю кола крепится не длинная, но широкая доска. На неё накладывается ещё одна такая же, но только несколько шире нижней. Горизонтальное положение исключает попадание снега, что очень важно в суровых многоснежных краях Сибири. Между досками взводится челачная насторожка. На сторожок нанизывается прикорм.

Ещё с середины лета, заранее, Уля резала мясо сохатого на мелкие кусочки, перемешивала его с коровьим маслом, добавляла небольшую долю рыбьего жира, плотно запаковывала будущую приманку в берестяной туес и хранила своё изделие на лабазе, в сухом, прохладном месте. Время, отсутствие воздуха и температура доделывали своё дело. Приманка получалась более чем «душистой». Мимо ловушки не проходил ни один соболь. И если аскыр не лез в деревянную пасть, подобное обстоятельство надо было отнести к сытому желудку хищника или к его страсти к свежей, только что пойманной пище.

Ловушка работает следующим образом. В надежде на лёгкую поживу соболь заскакивает на нижнюю доску, тянет лапкой за прикорм. Насторожка срабатывает. Верхняя доска под тяжестью давка падает и давит зверька. В результате этого соболь погибает практически мгновенно, не мучаясь. Драгоценная шкурка не имеет досадных порывов и кровоподтеков, что называется на качестве пушнины. В дальнейшем широкие доски предохраняют тушку от порчи грызунов и птиц. Хоть и рассчитана плашка на соболя, в ловушку отлично «идут» и более мелкие пушные зверьки, как считают настоящие охотники-соболятники – колонок, горностай и конечно же красавица белка.

Науке охотничьего ремесла Улю научил крёстный отец Егор Ворохов. Так же, как и дедушка Загбой, он склоняется к гуманному промыслу. Егор рассказал, показал и даже помог срубить крестнице несколько десятков ловушек. Остального Уля добила сама благодаря настойчивости и старанию. Она сама выбирала дорогу будущему путику, который прошёл под гольцовыми россыпями, в лучших собольих местах. Уля одна строила самоловы, рубила

небольшое зимовье, пригон для оленей, ловушку для «дядюшки амикана», рожон на росوماху и ещё многое из того, что необходимо ей для жизни и промысла в тайге.

В этот день удача отвернулась от Ули. За весь день перехода она отстреляла только одну белку. Не принесли радости и плашки. Из всех ловушек она вытащила только три белки, что считалось одним из самых неудачных дней. Если сравнить с предпоследним обходом путика, это была жалкая доля в потке девушки. В тот раз она принесла на прииск трёх аскыров, колонка и около двух десятков белок. Все удивились.

Успеху внучки радовался дедушка Загбой. Перебирая руками драгоценный мех, весело смеялась мать. Конюх Ивашка звонко цокал языком. Добродушная Пелагия ласково гладила Улю по голове. Даже всегда угрюмый и грозный приказчик Агафон посмотрел на девушку с должным уважением и на радостях выдал из склада бутылку спирта. Тогда пили все. Конюх Ивашка лихо разрывал кнопки тульской двухрядки. Дедушка Загбой, как всегда, изображая страшного амикана, топтался вокруг прыгающей Пелагии. Пьяная Ченка с распущенными волосами и грязным лицом сидела в углу и разговаривала сама с собой на эвенкийском языке. Вместе со всеми плясала и Уля. Она тоже выпила огненную воду. Совсем немножечко, два глоточка. Ей было непонятно весело. Язык девушки не держался во рту. Она говорила, что в следующий раз принесёт ещё больше соболей и белок, гораздо больше, чем сегодня! Может быть, пять шкурок, или столько, сколько у неё на руках пальцев.

Загбой ругался. Он говорил, что никогда не надо хвалить потку, когда она пуста. Но Уля не слушала его. Она была весела и не следила за своей речью. Ей нравилось говорить то, что привлекало внимание других. Она видела, как на неё с интересом смотрит приказчик Агафон. Как-то по-особому блестели его глаза, а всегда каменное лицо разрезала тонкая, хитрая улыбка.

И вот удача отвернулась от молодой охотницы. Сегодня утром Ченка предсказала это. Когда утром Уля собиралась на обход путика, из печки выстрелил уголёк. Он вылетел в том направлении, куда предстояло идти девушке. Мать, как могла, отговаривала дочь, но та не послушалась. Более того, ей очень хотелось иметь бирюзовые бусы, которые ей пообещал Агафон, если она принесёт три соболевых шкурки. Бусы были длинные, как маут дедушки Загбоя. Тяжёлые, как прошлогодний ленок. Каждая бусина размером с лисий глаз. Что такое три аскыра по сравнению с небывалым чудом? Уля поймает больше соболей, и бусы будут её и только её! Уля прохвалилась, отступать было некуда.

Три белки – слишком мало для того, чтобы исполнилось её желание. Возможно, виной всему был огромный чёрный ворон, который сегодня утром долго кружил над ней, звонко клекотал, провожая маленький караван в тайгу. Улю это раздражало, она знала, что птица пророчит беду. В какой-то момент хотела выстрелить в таёжного колдуна. Но убить ворона – дурная примета. Так говорит дедушка. Так говорят все охотники. Это приносит неудачу. Да и винтовка после этого не будет стрелять точно и метко. А ворон летал долго, настойчиво, как будто о чём-то предупреждал. Даже старая Хорма, слушая его, остановилась и долго смотрела на небо. Может быть, хотела попросить свою хозяйку быть осторожной или даже повернуть назад. Однако Уля не посчиталась с опытом важеньки и настойчиво пошла вперёд.

Вскоре ворон отстал. С его отсутствием у Ули развеялись недобрые мысли, она стала обычной – бодрой и весёлой. В какой-то момент девушка даже попробовала излагать свои мысли вслух. Так она делала всегда, когда находилась в отличном настроении. Стихотворная муза посещала её тогда, когда была хорошая погода, а в котомке лежала охотничья удача или она смотрела с высокого гольца на раскинувшиеся просторы тайги. И когда наступал час вдохновения. Об Улиных чувствах знала только мать. А Ченка и сама любила долгими зимними вечерами напевать о весне, лете, о мечтах, что посещают женское сердце. Уля говорила о том, что её окружает, что чувствует и о чём думает. Вот только перенести на бумагу придуманные

слова не могла по простой причине, потому что не умела ни читать, ни писать. И то, что приходило на ум, быстро забывалось.

Когда прошла половину путика, поняла, что бирюзовых бус ей не носить. Практически все плашки были пусты или спущены птичками или опавшей кухтой. Настроение упало. В голову полезли плохие мысли, сердце сжалось непонятной тоской. Вместе с плохим настроением пришло безразличие и необъяснимая усталость. Лёгкие талиновые лыжи отяжелели, казались свинцовыми. Широкий ремень винтовки передавил плечо. Ей хотелось как можно скорее добраться до зимовья, растопить печь и уснуть крепким, барсучьим сном. Она уже не останавливалась у ловушек, не поднимала плашки, не поправляла насторожки, решив оставить это на следующий день, когда будет возвращаться назад. Уля не хотела терять драгоценного времени.

До зимовья осталось совсем немного, расстояние в десять плашек. Стоит только скачаться с горки в небольшой подбелочный ключ, подняться на прилавок, и вот оно, долгожданное зимовье. В какой-то момент ей показалось, что она видит вдалеке бревенчатые стены строения, представила себе тепло печи, запах подогретых лепёшек, тонизирующий вкус смородинового чая. С некоторым головокружением представила лохматую шкуру «дядюшки амикана», которого добыла этой осенью на горе выше избы.

К себе на зимовье она приходила всегда один раз в десять дней, и каждая очередная ночёвка была однообразна. Утонув в собственных мыслях, она не сразу осознала, что где-то там, вдалеке, на крутобоком белогорье раздался раскатистый, ломкий выстрел. Это было так неожиданно, что Уля вздрогнула и присела на коленях. Морозный воздух обманул расстояние, приблизил звук, девушке показалось, что стреляют где-то рядом, над её головой.

Первые секунды она не понимала, что произошло. Сразу показалось, что это заломалась отжившая свой век сушина или где-то на белке сорвался карниз надува. А может быть, ей почудилось? Или она ослышалась?

Но нет. Не показалось. Вместе с ней на месте остановились и повернули головы в гору её четвероногие друзья. Кухта, Хорма знали звук выстрела, они напрягли все свои чувства. Все ждали, что за выстрелом последует ещё что-то: собачий лай, крик зверя или призыв человека.

Прошло некоторое время. Мысли девушки металась крутившейся позёмкой, порождая неразрешимые вопросы. Она не могла понять, кто стрелял? Зимой на гольце людей не было. Все охотники долины знали, что здесь проходит путик Ули, и никто не имел права тут промышлять. Охотница спрашивала себя, зачем стреляют? Сибирскую тайгу быстро накрывали вечерние сумерки, и любому человеку понятно, что надо искать пристанища на ночь, и искать в долине, в займище, в пойме реки, в тихом, безветренном месте, но никак не на гольце, где открытые места подвержены студёному хиусу, который пронизывает насквозь и несёт медленную, сладкую смерть.

И ещё одно немаловажное обстоятельство: в кого стреляли? Может быть, это бродяга-чалдон, неизвестно откуда пришедший в эти края, бьёт на белке сокжоя или выпугивает из кедра аскыра. Или кто-то из заплутавших путников, потеряв ориентацию, подаёт сигнал бедствия. А может... Может, стреляли в человека?..

От последнего, самого страшного предположения сердце Ули сжалось ледышкой, на лбу выступил холодный пот. Она знала, что в молчаливых дебрях заснеженной тайги таится опасность. Но опасность исходит не от матери-природы, не от хищного и беспощадного зверя, а от человека. В последние годы в тайге исчезло очень много людей. И виной всему – золото. А пропавшие люди – разведчики, соискатели и простые старатели-работяги. Они просто уходили в тайгу и не возвращались к положенному сроку. И никто их не искал: как можно найти глухаря, улетевшего за соседний хребет? Иногда, по прошествии какого-то времени, находили останки потерявшихся с простреленной или прорубленной головой. Так было в этом году, когда экспедиция разведчиков-золотоискателей в пойме Глухой реки нашла два человеческих скелета. В

черепях обоих были дырки – следы от пуль. Так было и в прошлом году, когда на Диком озере нашли объединенный мышами труп человека с проломленной головой.

Прошло немало времени, прежде чем Уля решилась сделать очередной шаг к зимовью. В смятении чувств она долго вслушивалась в насторожившуюся тишину. В затрепетавшее сознание юной охотницы вкралась предупреждающая мысль, что в её зимовье может находиться посторонний человек. Но поведение собаки и важенки быстро успокоило. Выждав ещё какое-то мгновение, призывая за собой хозяйку, впереди по путику спокойно побежала Кухта. Опытная Хорма шумно выдохнула воздух и тоже сделала несколько шагов. Нетерпеливый Харчик, поторапливая важенку к месту ночёвки, ткнул мать в бок. На животных одинокий выстрел не произвёл особого впечатления и был воспринят просто, как свалившийся с кедра снежный ком. Прежде всего, таёжные животные доверяют обонянию, зрению и только лишь потом своим ушам.

Полностью надеясь на собаку и важенку, Уля пошла вперёд. Ещё несколько сотен метров – и вот он, некрутой спуск в ручей. За ним на пригорке – зимовье. Упёршись о таяк, молодая охотница скатилась в ложок, стала подниматься в горку. Не доходя до избы, предусмотрительно остановилась за густой стеной подсады пихтача-курслепя. Оставаясь невидимой, прекрасно видела свою избу, в стенах которой ей предстояла ночёвка. Но видеть зимовье, это все равно, что смотреть на густую ель, на которой спряталась белка.

Уле надо знать, есть ли в избе люди. То, что из трубы не идёт дым, не говорит ни о чём. О возможном присутствии человека могла сказать только Кухта. Если в избе кто-то есть, она подаст предупреждающий голос. Если нет, промолчит. Вот собака добрела до стен жилища, обнюхала все углы, зашла в сени. Несколько секунд неизвестности – и Кухта высунула голову, посмотрела на хозяйку, слабо замахала хвостом: «Всё нормально. Никого нет. Идите сюда».

Уля вышла из укрытия, подошла к зимовью. Никаких посторонних следов. Только те, которые она оставила тогда, когда проверяла ловушки в последний раз. В сенях – большая поленица дров. В зимовье – порядок. На нарах – медвежья шкура. Мытая посуда перевернута вверх дном. За время её отсутствия никого не было.

Она сняла винтовку, лыжи, освободила Хорму от поток, загнала в пригон, бросила большую охапку сена. За этими занятиями стала забывать о выстреле, как будто его и не было. Но он напомнил о себе, в этот раз ещё более неожиданно и пугающе. Как снежная лавина, сорвался разом с гольца, прокатился в лог, вернулся назад, ударился о гору и затих.

Так же как и в первый раз, Уля замерла в движении, повернула голову в гору, на темнеющую тайгу. Вместе с ней насторожились животные. Хорма вздрогнула телом, перестала жевать. Кухта бросила старую медвежью кость. Даже Харчик, подражая матери, вздыбил загривок и запыхтел носом.

Первый выстрел был неопределённым. Но второй говорил о многом. Они были произведены с большим интервалом по времени, это не охота человека за зверем. Если бы кто-то промышлял сокжоя или марала и при этом промахнулся или ранил в первый раз, то второй прозвучал бы раньше. Не могли стрелять и в человека. Для человека хватит и одной пули... Оставалось только одно – кто-то звал на помощь. Это Уле подсказывал внутренний голос, который был постоянным путеводителем в её таёжной жизни. Этот голос уже звал её туда, вверх, на белогорье, где, возможно, кому-то было плохо.

Но другое чувство – самосохранения – предостерегало, разумно подсказывало выждать ещё какое-то время. Оно было сильнее внутреннего голоса, и девушке ничего не оставалось, как ему подчиниться. Она ждала, хотя и сама не знала чего. Может быть, того момента или какого-то импульсивного толчка, что могло бы послужить основой для её последующих действий.

И этот момент наступил. Он наступил через несколько минут и был обозначен ещё одним, третьим выстрелом. Тогда у Ули уже не осталось толики сомнения, что с кем-то случилась беда.

Протянуть руку помощи человеку, попавшему в беду в тайге, – святая обязанность любого, кто находится рядом. Сегодня помог ты, завтра помогут тебе. Этот проверенный веками опыт каждый коренной житель тайги получает еще в чреве матери. Особенно это чувство развито у так называемых малых народов Сибири. Может быть, его закреплению способствуют простота и искренность взаимоотношений или тяжёлые условия жизни.

В жилах Ули бежит кровь тех самых малых народов, коренных жителей Сибири. В её сердце живёт это чувство. Она не может пройти мимо чужого горя, не протянув руку помощи. Так было всегда, когда она видела, что кому-то плохо.

И сейчас Уля не могла остаться безучастной к призыву о помощи. В том, что кто-то зовет на помощь, она уже не сомневалась. Сомнения растаяли, как утренний туман, когда через некоторое время там, на белогорье, раздался последний, четвертый – казавшийся таким жалким и безнадёжным – выстрел.

Дальнейшие действия Ули были решительными и быстрыми. Она подкинула в каменку дров, накинула дошку, шапочку. Выскочила на улицу, схватила винтовку, встала на лыжи. Проворные руки перехватили ичиги юксами. Собаки и олени тревожными глазами смотрели на свою хозяйку. Последние отблески холодного солнца метнулись по вершинам гольцов и исчезли, предоставив бразды правления ледяной синеве. В заиндеветой черноте бездонного неба – мерцающие обманчивым теплом звёзды. Стынь.

Но Уля не обращает на это внимание – шагнула в чёрный пихтач, закричала лыжами по сыпучему снегу. Сзади вскочила Кухта, побежала за хозяйкой. Чуть позже с тем же намерением зашевелилась Хорма. Уля остановилась, приказывая оленям, приподняла руку:

– Ча! Стой, путьте тут. Мы скоро хоти назат.

Повинуясь хозяйке, оленуха встала. Харчик в нерешительности замычал. Сознание ушастика разорвало неразделённое чувство любви к матери, и в то же время ему хотелось последовать за девушкой. Он ещё какое-то время постоял, потоптался, игриво закрутил головой, спрашивая у матери разрешения наскочить на Кухту. Хорма равнодушно погрузила морду в траву. Харчик неторопливо засеменил по широкой лыжне вслед за Улей.

Сразу же за зимовьем подножие белогорья бросило под ноги Ули крутой подъём. Идти на лыжах в гору нелегко. Однако для девушки это не препятствие. Камусные лыжи не сдают назад, хорошо держат лёгкое тело на поверхности зимнего покрывала. А возвращаться вниз, под гору будет намного легче, так как скатиться вниз, к зимовью, для Ули будет стоять нескольких минут. Катиться под гору – одно из самых любимых развлечений девушки. Она любит лететь на лыжах со скоростью ветра, петляя между чёрных стволов деревьев. Большая скорость для неё как торжество поющей души. И не беда, что сейчас ступают сумерки. Она не боится ночи, в это время суток чувствует себя так же легко и свободно, как днём. Зоркий глаз легко различает тёмные деревья на фоне белого снега. Каждое растение имеет свой запах, который подсказывает девушке расстояние до препятствия.

Уля быстро шла вперёд. Она хотела как можно скорее достичь границы альпийских лугов, откуда раздавались выстрелы. Местность ей хорошо знакома. Не единожды приходилось взбираться к вершинам гор и зимой, и летом. Здесь она чувствовала себя как полноправная хозяйка в своём доме и знала, сколько времени потребуется на подъём к назначенному месту. Там, на разреженном плато, она увидит на снегу следы. В этом не сомневалась.

Через определённые промежутки времени она останавливалась, чтобы восстановить сбивающееся дыхание. Молодое, закалённое повседневными переходами тело девушки было сильным и выносливым. Но крутой перевал был капризным. Глубокий снег замедлял передвиже-

ние. С каждой сотней метров его покров становился всё глубже. К тому же сказывалась дневная усталость.

Едва успевая за хозяйкой по глубокому снегу, сзади в снегу пурхалась Кухта. Ещё ниже, свободно переставляя ноги по лыжне, шёл Харчик. Остановившись, Уля улыбалась преданности своих друзей.

Прошло ещё какое-то время после выхода девушки из зимовья. Короткая вечерняя заря окончательно растворилась над чёрной тайгой. Наплывающие сумерки съели ясные очертания прошедшего дня. Далёкие перевалы утонули под непроглядным покрывалом ночи. Сиреневое небо рассыпалось мириадами мерцающих звёзд. Ещё какие-то мгновения – и существующий мир уснёт в объятиях мрака.

Наконец-то Уля достигла границы альпийских лугов. Плотная высокоствольная тайга уступила место обширным полянам с редкими кедровыми колками. От простора белоснежного плена при отсутствии растительности стало намного светлее. Уля остановилась, осмотрелась и тут же увидела то, что искала. Неподалёку, разрезая девственную пелену зимнего покрывала, через большую поляну тянулся глубокий след, напоминающий широкую, сплошную канаву.

Она подошла ближе, удивилась и какое-то время соображала, что бы это значило. Неровный, зигзагообразный путь напоминал волок, оставленный каким-то зверем при перетаскивании пойманной добычи. Уля видела похожий след, когда тот тащил в дупло пойманного глухаря. Она видела волок росомахи, тащившей мёртвую кабаргу под колодину. Но этот след был далеко не похож на них. Он был намного шире, больше, глубже. Это наталкивало на мысль, что то, что тянут, и тот, кто тянет, намного больше, чем мелкий хищник. И это явно не аскыр и даже не росомаха.

В голове мелькнула обжигающая мысль, что это медведь-шатун тащит тушу марала или сокжоя. Присмотрелась, разобралась, успокоилась. В некоторых местах на дне канавы просматривался след лыж, затянутых поволокой. Она сразу же представила себе человека, тащившего за собой тяжёлый груз. В сознании ясно предстала картина события, произошедшего здесь, на поляне сегодня днём. Уля прошла какое-то расстояние, прочитала, что человек тянет за собой непосильную ношу, чем, возможно, были вызваны недавние выстрелы – призыв о помощи.

По поволоке выяснила, в какую сторону тащили груз, пошла по следу. Харчик неотступно следовал за ней. Идти пришлось недолго. Не доходя до большой, разросшейся у белкового ручья кедровой колки девушка почувствовала запах дыма. Где-то впереди горел костёр. Она ещё не видела огня, но ясно представила себе, что люди находятся там, в недалёкой таёжке, куда тянулась глубокая борозда оставленного следа.

Харчик тоже почувствовал запах дыма. Представив себе близкое становище людей, он обогнал Улю по снегу стороной и, смешно взлягивая задними ногам, побежал вперёд по канаве. Сознание молодого оленёнка, ни разу не видевшего, не знающего какой-то опасности от человека, было заполнено предстоящей встречей с людьми. Дым костра, огонь, запах человека, ассоциировались с теплом, уютом, добротой и любовью. Харчик привык к этому и тянулся к человеку с чувством младенца, кормящегося грудью матери.

На краю поляны оленёнок остановился, повернул голову назад и, поторапливая Улю, призывно рюхнул. Убедившись, что хозяйка следует за ним, удовлетворительно встряхнул ушами из стороны в сторону и в несколько прыжков очутился в густой колке. Дальнейшее для Ули было таким неожиданным, непредсказуемым, что она тут же остановилась, не в силах сделать следующий шаг.

Она видела бегущего Харчика. Видела, как он резво прыгает на фоне чёрной тайги. Затем она увидела яркую, в сумерках ослепительную вспышку, метнувшуюся навстречу оленёнку. Сразу же за вспышкой ударил глухой, негромкий выстрел. Уля с ужасом увидела, как упал в снег поражённый Харчик.

Не допуская мысли о трагедии, не веря в случившееся, Уля побежала вперёд. Короткое расстояние в сотню метров показалось длинным и бесконечным, как дневной переход. Тяжёлое предчувствие свинцом спутало её ноги. Пожар огня охватил лицо. Нервная дрожь заполонила тело. Возмущённый разум закипел в негодовании. Когда она подбежала к оленёнку, он, ещё ничего не понимая, что с ним произошло, бился в агонии, пытаясь подняться на ноги. На правом боку Харчика расплылось широкое, багряное пятно. Переполненные страхом и болью глаза зывали о помощи. В бесполезных порывах, смертельно раненный оленёнок поднимал голову и тут же ронял её на снег.

Уля склонилась над ним, прикоснулась рукой к голове, поняла, что чем-то помочь оленёнку уже невозможно. Гнев возмущения взорвался в её груди. Требуя ответа за содеянное, она вскочила на ноги и тут же увидела его.

Он стоял в десяти шагах около огромного, разбитого постоянными ветрами кедра. В свою очередь, человек смотрел на неё так растерянно, с некоторым испугом, как только можно смотреть на внезапно выскочившего из берлоги медведя. Потом вдруг на его закопченном дымом костра лице радостно сверкнули глаза. Длинная борода задрожала, из открытого рта вырвались хрипаче слова:

– Люди!.. Господи!..

Уля в негодовании вскинула к плечу винтовку:

– Это моя олень!.. Пашто стрелял? Пашто упил Харчика?..

– Люди... О Господи... Я не знал, я не хотел. Я думал, это дикарь.

На глазах вдруг появились слёзы. Глухие, булькающие рыдания вырвались из груди. Не в силах больше что-то сказать, он закрыл лицо красными, обмороженными руками. Плечи затряслись под лохмотьями в такт рвущимся спазмам.

Уля опустила ружьё. Ещё немного постояв, сделала робкие, несмелые шаги навстречу. Опасаясь подвоха, обошла незнакомца стороной, остановилась за спиной. Он, не обращая на неё внимания, продолжал плакать. Не зная, что делать, девушка ждала неизвестно чего.

В нескольких шагах за кедром едва теплился свет небольшого костра. Рядом, не двигаясь, лежал ещё один человек. В воздухе витал запах жареного мяса. Уля посмотрела на огонь, где на вертеле дымилось что-то длинное, обуглившееся. Дикий, парализующий ужас охватил молодую охотницу, когда в дымящемся распёртом пятипалом сучке узнала человеческую руку.

Легенда о жестоком Кучуме

И снится Загбою сон. Яркое солнце светит, тёплый ветерок дует в лицо, а сам он лежит на зелёной полянке у озера. Во рту трубка с табаком, в руках чарка с вином. Рядом сидит ласковая Ихтыма, улыбается, целует в губы, гладит нежными руками, говорит добрые слова. За костром поёт песни Мухой. Его жена Хындырга жарит свежее мясо. Хорошо Загбою, сладко, как в далёком детстве. Голова кружится, тело заполнено приятной истомой. И вдруг вода поднимается в озере большой волной, накатывается валом, накрывает с неукротимой силой. Вмиг подхватило всех в пучину, тонет Ихтыма, кричит Мухой, плачет Хындырга. Сам Загбой захлёбывается, не может вздохнуть. Всё тяжелее наваливается вода. Всё больше скованы движения. Темнота смыкается над головой. Хочет закричать, но вода заполонила рот. Машет руками, но руки связаны. Желает вынырнуть на поверхность, но к ногам привязан топляк, тянет вглубь, в непроглядный мрак. И нет Загбою ни силы, ни возможности для спасения.

Очнулся – ничего понять не может. Лежит в снегу вниз головой, едва вывернулся наверх. Покрутил головой, рядом олени стоят, глаза выпучили: ты что, хозяин, ездить разучился? Вокруг тайга, нетронутый снег. С трёх сторон гольцы: Плоский, Ахтын, Ухбай. Всё знакомое, родное до боли в глазах. Сотни раз здесь бывал, когда соболя промышлял. Встал на ноги, огляделся, усмехнулся в бороду. Под ногами верховика – свежий след аскыра, полуденный, короткий, прямой, сытый. Сразу видно, зверёк идёт на лёжку.

Понял наконец-то, что произошло. Пока ехал верхом на олене, от ласкового солнышка укачало, задремал от монотонного хода верховика. Когда шли целиком, всё было нормально. Но вот на пути попался следок. Умный, приученный к соболёвке олень, почуяв знакомый запах, резко встал, давая понять хозяину, что надо тропить зверька. А хозяин, что мешок с орехом, от толчка скovyрнулся с седла в снег головой. Вот тебе, Загбой, и урок, нечего спать, когда по тайге путь держишь.

Засмеялся охотник сухонько своей беспечности, покраснел: хорошо, что никто не видел. Отряхнулся от снега, поправил дошку, шапку, подобрал рукавицы. Шагнул к соболёму следку, нагнулся, потрогал пальцами лунник. Точно, свеженькие стёжки. Вот он, аскыр, полчаса назад прошёл. Сытый идёт на лёжку. Повернулся к верховику, одобрительно погладил оленя по шее: молодец Чигирбек, знаешь своё дело.

Поправил Загбой потки, потрогал повод ведомого Уйкана. Всё нормально, спарка связана крепко. Можно ехать дальше. Вскочил в тёплое седло, взял в руки уздечку, повернул налево, по соболёму следу:

– Мод! Мод!!!

Чигирбек послушно пошёл по чёткам. Ослабил Загбой руки, пусть олень идёт свободно. Он сам знает своё дело, по запаху найдёт зверька, куда бы он ни шёл. Аскыр не глухарь, крыльев нет, от своего следа не убежит. И то дело, верховик пригнул рогатую голову к снегу, закоптыл веселее. Тропит зверька не хуже собаки, даже лучше.

Где здесь по этим белкам собаке соболя догнать? Снега три метра. Лайка утонет по уши. А олень – нет. Идёт по верху, как по земле, проваливаясь чуть выше бабок (роговицы на оленьих ногах). Да ещё на своей спине хозяина везёт. Но это только здесь, на белогорье. На альпийских лугах снег надувной, плотный. Там, внизу, в долине, он рыхлый и мягкий. Поэтому Загбой всегда возит с собой лыжи. Там, где олень проваливается выше колена, охотник идёт пешком.

Идёт Чигирбек за соболем спокойно, точно, равномерно. Загбой в это время готовится: достал из потки тальниковый манок на зайца, проверил винтовку, положил её себе на колени. Проехали несколько сот метров. Стёжки выровнялись, идут ровно, как стрела. Где-то здесь лёжка, может быть, вон там, в той кедровой колке. И точно, лучше места для гнезда аскыру

не найти: несколько кряжистых кедров, окаймлённых густой подсадой пихтача. Следы ведут точно туда.

Стараясь не подшуметь зверька раньше времени, охотник повернул повод направо. Стал «вырезать» стёжки за колкой. Сделал круг – нет выхода. Здесь соболю. Осторожно слез с верховика, обмотал повод за ствол пихотки. Вытащил из чехла лыжи, завязал юксы, ещё раз проверил винтовку и шагнул в курослеп.

Как и предполагал, соболий лаз был в тот кедр, который господствовал высотой и грандиозностью над всеми остальными деревьями, что росли в этой колке. По всей вероятности, он был с просторным дуплом, служившим отличным укрытием, домом аскыра в любое время года. Не доходя до гайна нескольких метров, соболю перешёл на шаг, как истинный хозяин своих владений, прежде чем лечь на отдых, внимательно осмотрелся, убедившись в отсутствии опасности и непредвиденных конкурентов – других соболей, – преспокойно забрался под надёжные своды многовекового гиганта. Без всякого сомнения, там, внутри кедра, он слышал какое-то непонятное движение снаружи и теперь, осторожно приподняв голову, вслушивался в звуки и дрожь земли от шагов оленя и шороха лыж Загбоя. Потом, несколько позже, когда всё стихнет, соболю обязательно вылезет из дупла, чтобы проверить источник его недовольства. А пока...

Не доходя нескольких шагов до входа, Загбой остановился, присел на корточки, ещё раз осмотрел винтовку, взвёл курок, приготовился стрелять. Затем взял губами манок и несколько раз пронзительно, громко крикнул раненым зайцем.

Такой способ охоты на аскыра Загбой придумал сам, когда много лет назад пришёл в эту тайгу. Там давно на севере эвенки использовали подобную хитрость при охоте на лис. Она действовала безотказно, с большим успехом, поэтому эвенк решил применить хитрый приём здесь, но уже в другом виде, в промысле на соболя. Первый блин, как всегда, оказался комом. Загбою пришлось провести немало экспериментов, чтобы сделать такой манок, который более всего подходил к голосу белкового зайца, живущего в этих местах. И успех не заставил себя ждать.

Принцип заключается в следующем. Загбой кричит в манок раненым зайцем. Соболю, услышав голос погибающей добычи, которую поймал другой хищник – ястреб, филин, колонок или ещё кто-то, – спешит на место трапезы, стараясь отобрать лакомый кусок, что вполне широко распространено в природе, в результате чего выбегает на вид и попадает на мушку охотника.

Так было и в этот раз. Стоило следопыту крикнуть всего лишь раз, как хищник – как ревнивый хозяин, контролирующий свои законные владения, – тут же выскочил из дупла и, выискивая объект, застыл столбиком в нескольких шагах от смерти. Остальное доделали зоркий глаз и стремительная пуля Загбоя.

Хорошо на душе, когда в котомке есть добыча! Хмурый день кажется солнечным. Холодный ветер дует в лицо теплом. Быстрее бегут олени. Ноги сами просят в дорогу. В жилах кипит кровь, а сердце бьётся с удвоенной силой. Мысли складываются в добрую песню и сладким мёдом томят и кружат голову.

А думать и заботиться Загбою есть о чём и о ком. В этой жизни охотник не один. У него есть дочь и внучка. У него есть жена Ихтыма, у которой три года назад от него родился сын Шинкильхор. И пусть Ченка и Уля живут отдельно от новой семьи, это не беда. Он постоянно ездит от одного дома к другому и считает это нормальным.

Много лет прошло с того дня, когда Загбой познакомился с другом Мухоем. Тесная дружба двух охотников со временем переросла в нечто большее. Постоянная взаимопомощь, одинаковые, добродушные, миролюбивые характеры за долгие, трудные годы тесно сплотили двух охотников, как кровных братьев, и повели вместе по трудной и опасной дороге жизни. Не сосчитать ночей, проведённых ими у одного костра. Не измерить расстояние таёжных троп,

пройденных вместе. Сколько раз Загбой делился с другом добычей, своим небогатым имуществом, провиантом и даже подарил несколько оленей из своего небольшого стада.

Мухой отвечал другу подобным вниманием. В его котомке лежала чашка, кружка и ложка для эвенка. Загбой всегда находил приют в его убогой юрте, был самым желанным гостем, во время трапезы садился на почётное место. Из огромного казана в первую очередь ему доставался первый кусок мяса и, как это разрешено у кыргызов, ночью занимал тёплое место рядом с женой хозяина. Обычай очень нравился охотнику. Может быть, поэтому после многодневного выхода на охоту ноги Чигирбека тропили дорогу за голец Ахтын, в долину Хабазлака, а две последние дочери Мухоя как-то странно походили на Загбоя.

Несколько лет назад в семье Мухоя случилась беда. В Саянах пропал муж младшей сестры Ихтымы, Батыр. Ранней осенью ушёл с напарником на соболёвку к гольцу Кучуму и больше не вернулся к обещанному сроку. Ждали до весны, потом до лета. В месяц наливая ягод Загбой и Мухой ходили под голец, долго, очень долго искали славного Батыра. Нашли раздавленную снегом юрту, мёртвых собак. Однако все старания по поиску людей не увенчались успехом. Может быть, охотники попали в снежную лавину или провалились в горной реке под неокрепший лёд. Суровая тайга скрыла тайну исчезновения двух кыргызов. Двадцатипятилетняя Ихтыма осталась одна, без мужа, с тремя детьми на руках. Ровно через год Загбой поставил свой чум рядом с юртой Мухоя и привёл в него молодую Ихтыму вместе с её детьми. Ещё через год под сводами клиновидного жилища подал голос крошечный Шинкильхор.

И наступила в жизни Загбоя белая полоса! Трудно передать состояние души человека, когда у него есть дом, в котором тебя всегда ждут. Где всегда тепло, сытно, уютно. Где слышится весёлый, звонкий детский смех. Где твоё заглубевшее тело обнимают ласковые руки молодой жены. Да еще мать-природа раскрыла свои кладовые! Благодаря большому опыту, настойчивости и трудолюбию следопыта семья охотника практически всегда была с добычей, не знала нужды и забыла о голоде.

Однако не всё спокойно на душе у охотника, как это кажется на первый взгляд. Постоянные мысли о дочери, о внучке терзают душу. Не сладок мёд пчелы, когда в улье нет матки. Находясь дома, он постоянно думает о Ченке и об Уле. Проходит неделя, вторая, не может вынести Загбой разлуки, собирается в дорогу, едет в долину Трехозёрья на свидание. И опять же, находясь на прииске, терзается ожиданиями встречи с Ихтымой, Шинкильхором и остальными детьми. Так и ходит от одного порога к другому, постоянно в пути. А дорога не близкая. Белое белогорье, девять гольцов, четыре перевала, переход в пять дней. Где пешком, где на лыжах, при благоприятных условиях – на спине оленя. Но Загбой не сетует на обстоятельства. Кочевая жизнь приучила его к неудобствам. Быть постоянно в дороге – нормальное состояние, он безропотно подчиняется врождённому инстинкту.

В этот раз Загбой едет от дочери и внучки к жене и сыну. Сегодня последний, пятый день пути. Если всё будет нормально, через пару часов, к сумеркам, он будет у порога своего родного чума. Осталось только пройти в твирило между двумя гольцами, – и вот он, пологий спуск в долину Хабазлака.

Хорошо на душе у охотника! Гостил на прииске, там отлично встречали: два дня пил спирт, плясал, пел песни, разговаривал с Ченкой и Улей. Они живут нормально, самое главное, не болеют. Внучка промышляет соболей. Дочь выделяет пушнину. Каждый занят своим делом, и никто не жалуется на жизнь. Это главное. Теперь думы только о Ихтыме. Как она там управляет с детьми и хозяйством? Всё ли хорошо? Как здоровье у сына?

Загбой невольно представил будущую встречу, как подъедет к чуму, как навстречу ему выбежит улыбающаяся жена, примет из его рук повод, поможет спуститься на землю, возьмёт потку с пушниной. Как войдёт в чум, с какой радостью к нему бросятся дети, как их будет обнимать и рассказывать о своих похождениях.

С такими мыслями так и ехал весь остаток пути. Очнулся, когда на него забрежали свои же собаки. Выехал из леса на пойменные луга – вон они, родные жилища. Две большие юрты Мухоя и его, несколько поменьше, чум. Отовсюду валит дым, чувствуется запах свежих печёных лепёшек, аромат душистого чая кружит голову.

Почувствовав приют и долгожданный отдых, веселее пошли олени. Вот и прясла, пригон для лошадей. Там, под навесом, стоит небольшая, привычная к крепким сибирским морозам корова. Но что это? Недовольно хоркнул носом Чигирбек: на стойбище кто-то чужой. Бросил Загбой косой взгляд, точно, у сена стоят чужие лошади. Вон в стороне прижались друг к другу коренастые, монгольских кровей кони Мухоя и его сына Асылзак. А эти лошади другие, длинные, большеголовые. На таких ездят только русские. Но кто это может быть?

Подъехал к своему чуму. Навстречу из-под шкур выскочила радостная Ихтыма, улыбнулась мужу, проворно взяла руками повод, стала молча распрягать оленей. Бросила коротко:

– Как тарога?

– Карашо, – ласково ответил охотник, слегка прижимая жену к своему плечу. – Всё ли латно тома?

Ихтыма утвердительно качнула головой и, игриво вырвавшись из его объятий, стала снимать седло с Чигирбека.

– У нас гости, – коротко добавила женщина и качнула головой в сторону юрты Мухоя. – Тебя жтут, ити.

– Кто? – удивлённо вскинул брови Загбой.

– Русские. Каварить хотят.

В нерешительности, постояв – куда идти, он обогнул чум и пошёл к юрте. У входа в жилище отряхнул руками снег и без предупреждения откинул полог.

Все, кто находился внутри юрты, разом приподняли головы в его сторону. Недолго Загбой приглядывался в темноте с улицы, молча осмотрел сидевших. Шесть человек. В центре – Мухой, радостно улыбается и протягивает ему кружку горячего чая. Справа от него сидит Асылзак. Как только эвенк вошёл, последний тут же вскочил, уступая место рядом с отцом. Слева скрестил ноги Абдин, дальний родственник Мухоя, проживающий где-то в устье долины Хабазлака, неподалёку от большого города русских. Остальные трое – русские. Раньше Загбой с ними никогда не встречался, однако, по законам гостеприимства, всем подал руку для приветствия.

Наконец-то Загбой уместился рядом с Мухоем, с шумом отхлебнул горячего кипятка, удовлетворённо зафыркал лошадьё и с улыбкой обвёл сидевших:

– Эко! Карашо, чай, отнако! Живот оса жалит. Душу греет солнцем. Голову опносит тёплым ветром.

– Да уж, самое то! Из самой Индии привезли. Самый лучший аромат в мире, – подержал один из русских, сидевший рядом с Загбоем по правую руку.

– Индии? – удивился охотник. – Кто такой Индии?

Русские переглянулись, заулыбались. Но не подняли следопыта на смех, а тактично объяснили.

– Не кто такой, а – такая. Страна есть такая, там всегда тепло. Круглый год лето. Снег никогда не падает. Диковинные плоды растут, сладкие, вкусные. Большие звери ходят, – русский показал рукой под свод юрты, – вот такой высоты. Слоны называются. У них пять ног, на четырёх ходят, а пятая вместо руки...

Смотрит Загбой, затаил дыхание. Вот ведь как хорошо врёт и не краснеет. Пожалуй, стоит обидеться. Посмотрел на Мухоя, тот тоже рот открыл, слушает, но не может разобрать, где правда, а где ложь. Рядом Асылзак притих, глаза выпучил, каждое слово русского ловит, интересно. Не выдержал охотник, закачал головой, перебил говорившего:

– Эко! Как склатно сказал, отнако. Но не пывает так. Как так, снег не итёт? Весь год лето не мошет пить! Да и звери, у которых пять рук, не могут жить. Обманываешь, отнако. Как-то жизнь бутет ходи? Не может так пить. Зачем тогда амикану зимой спать? А сополю шкуру менять? Нет, так не бывай.

Качает головой эвенк, думает, что дурит его русский. А тот не спорит, знает, что всё равно сейчас ему правды не доказать. Добавил только к слову:

– А знаешь, кто соболя таким именем назвал?

– Русские, отнако. Моя знай аскыр слово. Ещё тунгусы гавари дынка. А сополь русский человек говори.

– Нет, не правду говоришь. Слово «соболь» пришло к нам из той же Индии. Соболь – полосатый. Это у них, значит, так переводится. Когда-то очень давно купцы через Азию на верблюдах возили товар в Иран. Ну а уж оттуда до Индии рукой подать...

Слушает Загбой, а глаза смеются. Вся его жизнь замкнута только в том пространстве, где он ходит и живёт – сибирская тайга. Он просто не может представить, осмыслить в более объёмном и широком масштабе, земной шар или даже континент. Как тот библейский Фома, пока не увидит, не поверит.

Видит русский, что что-то объяснять бесполезно. Лучше завязать разговор на нужную ему тему. Замолчал, думая, с чего начать, и тут же вспомнил, что за разговором даже не познакомились. Как будто спохватившись, дружелюбно протянул руку:

– Меня зовут Николай Иванович. Фамилия – Залихватов. Я начальник геологоразведочной экспедиции.

Загбой протянул руку, хотел назвать себя, но Мухой, как пырей, опередил его, прилип к русскому и выдал столько информации, что эвенк невольно поморщился, как будто проглотил горчицу.

– Это мая зять, что я каварил. Там, – продолжал расторопный кыргыз, – его шена Ихтыма. Загбой – самый лучий охотник, которого я когда-то знал и вител. Всю тайгу обошёл, везде пыл...

– Подожди, – перебил его Залихватов. – Пусть он сам за себя скажет, что его перебивать? Это что, правда, что ты тунгус?

– Правда, отнако. Венка мой. – И уже гордо: – Загбой Иванович мой! Как ты. Крёсный Игорка и Филька-чёрт так каварят – Загбой Ивановича.

– А как ты к нам, сюда попал? – удивлённо вскинул брови собеседник.

– Эко! Тавно так пыло. Купец просил пуснина везти, Тима зовут. Ну, я и ходи. Потом, отнако, Тима мой доська спал, женился. А доська назат не хочет хоти. Тут вот сам женился. Ихтыма жену звать. Сын родился. Куда хоти на север? Там нихто не ждёт, весь род чума кушай. Так вот и живу. Мухой – труг. Игорка – крёсный внуська. Ченка, точка, там живи, – махнул рукой на восток. – А Тима... мой не знай, талеко, отнако. Горот, пальшой! Тавно не смотрел его. Отнако много зим прошло. – И с горечью добавил: – Ченка штёт, тоскует. Внуська, Уля, плачет. А Тима всё не хоти. Случилось что? – обратился к русским. – Вы его не знай?

Залихватов переглянулся со своими спутниками, с интересом прищурил глаза:

– А как фамилия-то у твоего Тимы?

– Фамилия? – не понимая, переспросил Загбой. – Зовут как?

Здесь в разговор вступил Мухой. Увидев замешательство охотника, как всегда, с живостью доложил:

– Фамилия его Набоков.

– Набоков?! – удивленно воскликнул Николай Иванович. – Тот самый Набоков? Купец? Так его не Тима зовут, а Дмитрий. Дмитрий Иванович Набоков, золотопромышленник. Так?

– Так, отнако, – покачал головой Загбой.

– Да, есть такой. В городе живёт, по Ямской улице. Дом у него большой, особняк двух-этажный. Широко развернулся: два магазина, один пушной, шубы-шапки продаёт. Второй – с продуктами, мясо-рыба. Да еще несколько лавочек мелких. У самого губернатора Нефёдова в почёте. Знаем мы такого. Семья у него, две дочери. Не последний человек среди известных людей, на благотворительные цели тысячи откидывает...

Потемнело лицо Загбоя:

– Эко! Как доськи? Как семья? Уля ему доська, отнако! Ченка – жена... Каварил, что никого нет польсе... Корот хоти, тела телай. Назат – нет. Тумал, что случилось... Как так?

Смотрит охотник на русских, глаза блестят, губы трясутся, пальцы дрожат. Видно, что новость для него – как ливень в засушливое лето. Переосмысливает сказанное и не верит, не понимает, как так можно врать? А может, всё неправда, шутит Николай Иванович? Да нет, лицо серьёзное. Да и товарищи его окаменели, понимают, что в неловкое положение попали. Так что же получается, тогда врал Дмитрий?..

Потянулся Загбой за кисетом, стал набивать трубку. В юрте зависла неопределённая тишина, только дрова в костре потрескивают, да Хындырга, жена Мухоя негромко посудой гремит.

Из-под полога за клубился морозный туман, вошла Ихтыма. Посмотрела на Загбоя, счастливая улыбка сменилась тревогой, не может понять, что произошло с мужем. Немного постояла в стороне, тенью проскользнула к хозяйке юрты, о чём-то тихо зашептала ей на ухо. Хындырга зашипела в ответ: молчи, когда разговаривают мужчины, потом сама все поймёшь.

– Где этот... корот? – наконец-то нарушил молчание Загбой.

– Зачем тебе? – удивленно приподнял брови Залихватов.

– Хоти путу, отнако, к Тиме. Путу смотреть глаза. Зачем обманывай?

– Ну-у-у... – неопределённо протянул Николай Иванович. – Зачем тебе это? Он, Тима твой, сам приедет.

– Не приетет. Много лет пыло, не етет. Хочу сам знать, пашто обманывай меня, Ченку, Улю? Нелься так телай. Загбой не врал, он телай Тиме тобро. Почему люча делает плохо?.. Знать бы, как в горот хоти...

Залихватов быстро посмотрел на своих друзей, с живостью заговорил:

– В город, Загбой Иванович, я тебя могу проводить. Это не проблема. Вот только... Поговорить с тобой хочу.

Эвенк заинтересованно посмотрел на собеседника, выдохнул дым табака и в ожидании предстоящего разговора отложил в сторону трубку. Залихватов покачал головой, подбирая слова, выдержал паузу и начал издали.

– Вопрос вот в чем. Ты, Загбой Иванович, всю жизнь в тайге. Об этом все знают. Вот и Мухой об этом говорит, да и все в округе. Не встречал ли ты нынче в тайге людей? Экспедиция, понимаешь ли, у нас пропала, двадцать пять человек. Ушли ещё в конце мая, обещались быть к сентябрю, но до сих пор не вернулись. Сейчас, как видишь сам, на дворе декабрь...

Загбой в волнении приоткрыл рот, что-то вспоминая, прищурил глаза и с живостью спросил:

– Как нет? Сопсем нет? Может, плути, или Кингит шутил? Никак пета случилась?

– Приходил один раз вестовой. Ещё в июне. Говорил, что всё хорошо. А потом как ветром унесло. Ни слуху ни духу. Хватились мы в конце августа, ещё летом. Отправляли на поиски несколько мужиков, охотников. Но те вернулись ни с чем. В горах снег рано выпал. Перевалы завалило. А теперь вот, видишь сам... – Залихватов угрюмо кивнул на стену юрты, объясняя, что говорит об окружающем мире. – Где сейчас искать? – И настороженно, с искрой надежды посмотрел на следопыта: – Может, ты что-то знаешь, видел след или что-то от кого-то слышал?

Эвенк внимательно посмотрел на Николая Ивановича, многозначительно покачал головой и тут же поинтересовался:

– Куда слет тянули?

Залихватов не понял вопроса, посмотрел на Мухоя. Тот с живостью пояснил:

– Куда пошла экспедиция?

– А-а-а! – заторопился начальник партии. – На восток. На восток пошли! Через Чайджур, на Коштыму, а потом – к Кучуму.

– Эко как! Талеко, отнако. Голец Кучум – место худой. Там, тумая, сам Харги живи. А рядом – голец Часки. Кароший погота нет. Всегда тождь или снег. Там хозяин Мусонин.

Русские разочарованно переглянулись между собой: «Ну вот, опять таёжные байки пошли. Ох уж эти охотники, забитые люди, во всякой колодине зверя видят и боятся. Сейчас опять скажет, туда-сюда нельзя ходить. Везде свои предрассудки...»

Но Загбой не может читать мысли людей и спокойно продолжает свою речь:

– Там, на перевале, стоит чина: кедр сломанный, а на нём вырублен Эскери, злой тух, повелитель смерти. Загбой тут не хоти, знает, что там мёртвая земля. Про это все говорят. Лючи туда хоти, назад нет. Зверь хоти мимо. Птица лети стороной. Четыре зимы назад, – охотник махнул головой в сторону Мухоя, – туда хоти.

Зять пропал, Батыр. Мухой просил искать, я пошёл. Толго, отнако, ходил. Чум нашли, Батыра с тругом нет. Пропал сопсем, слета нет. Я ходи на перевал, видел чину. Тальше не хотел. Боялся. Там троп нет. На перевале пусто. И всё, отнако. Мухой говори, там тракон живи.

– Какой дракон? – перебил Залихватов и уже к хозяину юрты: – Откуда ты это взял?

– Так гавари легенда, – побледнел лицом Мухой. – Мне отец рассказывал. Отцу – тет. Кыргызы тут никогда не хоти. Там пальшой озеро. В нём живёт зверь невитанный. Кто прихотит, всех упивает.

– Во как! – одновременно воскликнули русские. – Этого ещё не хватало. Что это за байка такая?

– Не пайка то, – лопочет Мухой. – Это правда. Мой род там никогда не пыл. Там турной место. Мошет, и ваши люди... туда ходи – назад нет.

– Если не байка, то откуда слух идёт?

– Старый лючи гаварят. Легента так гаварит.

– Легенда? Про что?

– Как хан Кучум за золотом хоти.

– Расскажи! – заволновались русские.

– Как то? Хочешь слушай? – оживился Мухой, радуясь моменту, что ему уделили внимание.

– Да, очень. Как там случилось?

– Карашо! – расцвёл Мухой и, выдерживая многозначительную паузу перед разговором, долго смотрел на костёр, как будто что-то вспоминая, стараясь не забыть детали, потом наконец-то начал рассказ.

– Тавно пыло. Осень тавно. Никто не помнит, сколько воты утекай, как много деревьев выросло и умерло. Плоха тагта кыргызы жили. Осень плоха. Злой хан Кучум опложил наши племена непосильным ясаком, всё запирай: скот, лошадей, красивых шенцин, пуснину, золото. Непокорных мужей, воинов угонял в рапство. Приходил хан Кучум из талёких монгольских степей, через высокие горы отин раз в тва года. И всегда, когда он шёл через гольцы, под ногами его коня земля гари, тайга патай, а на месте слетов ничего не расти. До наших дней там, где ступай Кучум, мёртвые места: в слеты вота набегай, озёра стали. Но нет в тех озёрах рыпа. Зверь гиплые места стороной опхотит. Птица за горами летает. В ту пору в отной бетной семье, у простого кочевника Худырбея ротилась доська Часкильдяна, выросла красависа, что и сказать незя. Пришёл Кучум за ясак, увител молотую тевушку, хотел взять в налошницы, увести с сопой. Да только не хотела этого Часкильдяна, пыл у неё жених, молотой юноша Хатовей, люпила она его. Но хан Кучум и слышать не хотел, взял тевушку, посадил её на коня, повёз

в степи через горы. А Хатовя в рапы взял. Всю торогу, пока Кучум вёз Часкильдьяну, укаваривал её выйти за него замуш: сополей под ноги просал, золото сыпал. Да только тевушка пыла непреклонна. Вот отнажды на привале сопсем разтобрел Кучум, решил во что бы то ни стало допить сердца девушки. Дарит ей самых черных сополей, просает солото горстями под ноги. Да только Часкильдьяна на своём стоит, опустила голову, каварит, что люпит только Хатовя. Разозлился Кучум, приказал слугам привести Хатовя. Сказал тевуске: «Если ты не тостанешься мне, то путешь ничья. А любимого твоего превращу в тракона, пусть он моё золото охраняй. А я путу смотреть, как ты путешь плакать». С тех времен в горах появилось тва новых гольца. Отин из них – трехглавый Кучум. Второй, палогий, как сгорбившаяся тевушка, Часки лючи завут. Из-под гольца два ручья в озеро текут. Лючи говорят, Часки плачет. Стоят гольцы трук перет трук. А между ними озеро. А в том озере, говорят, дракон Хатовей живёт, охраняй сакровища хана Кучума. Раз лючи старые молвят, значит, так и пылю. Потому что там, где Кучум когда-то хоти, лючи солото нахотят. И сополя чёрные пегают. Так вот.

Замолчали все. Каждый думает о своём. Женщины стоят за спинами, ждут, когда мужчины наговорятся и дадут знать, когда подавать еду. Только в костре потрескивают дрова, да в казане бурлит вода.

Загбой набил трубку, потянулся за огоньком, подкурил. Мухой шумно хлебнул из кружки. Залихватов что-то прошептал рыжебородому, тот передал на ухо соседу, черноволосому парню Михаилу. Асылзак, нервно переживая неопределённость, заёрзал на месте.

– А что, Загбой Иванович, нельзя ли нам сходить на Кучум? Поискать след наших товарищей, посмотреть на те места, где стоит чина? А я потом, когда выйдем из тайги, провожу тебя в город. – И уже с мольбой в голосе, понизив голос, попросил: – Пожалуйста! Там наши товарищи! Помоги, Загбой Иванович! Мы в долгу не останемся.

Эвенк внимательно посмотрел на русских:

– Это так. Отнако хоти нато. Лючи смотри. Так говорит закон тайги. Я хоти. Отнако ты, – он протянул руку Залихватову, – покажешь, где горот?

– Даю слово! – в тон ему ответил Николай Иванович. – Как только придём с Кучума – сразу в дорогу.

– Эко тело! Завтра путем тумай. Вечер не скажет, что знай утро. Пустое прюхо не имеет мысли. Эй, там, Ихтыма! Где у нас мясо?

Женщины засутились, подавая еду на стол. Залихватов потянулся к своему вещевому мешку, достал ёмкую фляжку спирта. Загбой довольно щёлкнул языком. Асылзак восторженно округлил глаза. Мухой нервно потянулся за кружками.

Тайный гость Новотроицкого прииска

Мрак наступающей ночи. Парализующий душу и сознание холод. Тишина скованной морозом тайги. Лёд светящихся звезд. И кажется, что всем существующим миром завладела неминуемая смерть.

Забились по расщелинам и дуплам мелкие пичуги. Заткнув скатанной шерстью лаз, свернулись в гайнах седым мехом пышнохвостые белки. Краснобровые глухари, рябчики, куропатки в предчувствии стужи ещё засветлю пробили грудью рыхлый снег, окопались в плотной неге и, втянув в себя крестовидные лапы, нежатся в тепле и уюте спасительного покрывала. Глубоко под снегом, в дуплистых деревьях забились ласки, горностаи, колонки. Даже ловкий аскыр, пережидая стынь, свернулся шоколадным клубком в трухе кедра.

В чистом, бесконечно прозрачном сиреневом небе горят первые звёзды. Прямо над головой ледяным холодом мерцает Хоглен. Чуть правее, на восток, замерла Чолдон². А слева верным компасом заплутавшего путника сияет разноцветием Полярная звезда.

Скованный жестоким морозом, притих, сжался лес. Лишь иногда, нарушая покой, пугающе резко выстрелит промёрзшим стволом дерево или где-то там, в глубоком логоу, глухо ухнет лопнувший лёд.

Могильная тишина. Горбатые спины высоких гор. Чёрные свечи деревьев. Серый снег. Едва чувствительное течение холодного воздуха. Остановись человек ненадолго – и вечный покой невидимой рукой обнимет твоё тело.

Но чу!.. Вот где-то далеко, в глубине тайги, слышались неясные звуки. Весь мир тайги, не желая покидать насиженные места, насторожился, замер. Всё ближе и ближе равномерное шуршание. Всё громче отзвуки лёгкого эха. Всё настойчивее резкие, порывистые вздохи. Вот на ближайшей полянке едва различимо замаячили тени.

Шух-шух – равномерно поют лыжи. Скрип-скрип, легко переступают ноги. Фух-фух – спокойно тянется уравновешенное дыхание. Впереди – вертикальный силуэт идущего лыжника. За ним – олень, на спине которого находится что-то неопределённое, поникшее. На некотором расстоянии, сзади, понуро бредёт уставшая собака.

Уля не спешит. Она специально тянет время, стараясь прийти на прииск как можно позднее, затемно. Причина тому: непредвиденные обстоятельства. На своей спине Хорма везёт обессилевшего, обмороженного, невероятно исхудавшего человека. Ему требуется помощь, а совсем недавно грозила неминуемая смерть.

Уля боится, чтобы её никто не увидел, не узнал, что она везёт чужака. Приказ хозяина – «Не пускать чужих людей на прииск, пусть это будет даже сам царь или Бог» – грозит суровым наказанием. Приказчик Агафон строго следит за этим, сурово наказывает провинившихся и не пускает в свою вотчину никого, кто хоть тенью намёка может позариться на собственность золотопромышленника Набокова. Всё, что связано с золотом, должно храниться в тайне. И поэтому Агафон непреклонен.

Но как Уле бросить в тайге обречённого, попавшего в беду человека? Как оставить умирающего в холодных снегах на произвол судьбы? Как пройти мимо, не протянув страждущему руку помощи?

Вот леденящий тянигус принёс с собой первые запахи дыма и скотного двора. К ним добавился легкий запах свежее испечённого хлеба, жареного мяса, рыбы и парного коровьего молока.

Почуввав жильё, Хорма возбуждённо рюхнула, пошла быстрее. За важенкой, несмотря на усталость, засемила Кухта. Недолго покрутившись у оленьих копыт, собака прыгнула в сто-

² Хоглен – созвездие Большая Медведица; Чолдон – Венера (эвенк.).

рону, в снег, в несколько прыжков обогнала идущих, выскочила вперёд, на подмёрзшую лыжню и растаяла в темноте. Несмотря на оживление своих четвероногих друзей, Уля, наоборот, замедлила шаг, пошла неторопливо, осторожно, внимательно вслушиваясь в звуки, что приносил с прииска встречный ветерок.

Вскоре в посёлке, услышав идущих, залаяли собаки. Но тревожные голоса вскоре сменились на вежливые приветствия: надёжные сторожа узнали Кухту. Навстречу девушке из темноты выскочил рослый Аян, радостно закрутился под ногами, восторженно взвизгнул. Получив в свой адрес несколько ласковых слов, не замедлил проверить, кто идёт вслед за хозяйкой. Знакомая важенка не вызвала у него негативной реакции. Аян знал Хорму со дня своего рождения. Но вот запах незнакомого человека на спине оленухи вызвал у кобеля раздражение. Он вздыбил загривок, ощерился, хотел уже схватить чужака за ногу, но строгий запрет хозяйки быстро укротил его желания. Аян нехотя ретировался, послушно отошёл в сторону, но, всё же недовольно втягивая в себя новые запахи, побежал сзади Хормы.

Ещё более осторожно, чем при подходе к поселению, Уля вышла на обширное подворье. С опаской поглядывая на двухэтажный особняк, девушка свернула к крайней, приземистой избе. Её появление не осталось незамеченным. В окнах первого этажа плавно поплыл жёлтый свет от керосиновой лампы. Хлопнула входная дверь, из избы на крыльцо кто-то вышел. Ещё через какое-то время, переждав встревоженную возню собак, раздался грубый мужской голос:

– Ульянка, ты?

– Я, дядя Агафон, – приостановив движение, напряжённо ответила Уля.

– Что так поздно? Случилось что? – более спокойно повторил он.

– Да нет, всё карашо. Юкса в дороге рвалась, пришлось шить, почему и пришла потемну, – холодея сердцем, нашла девушка.

По всей вероятности, ответ вполне удовлетворил приказчика. Свет керосиновой лампы не пробил темноту и расстояние. Агафон не увидел на спине Хормы человека. Ничего не говоря, отвернулся. Плывущую лампу заслонила широкая спина. Резко хлопнула входная дверь. Приказчик вошёл в дом.

Уля облегчённо вздохнула, потянула важенку за повод, торопливо пошла к жёлтому окну. Поравнявшись с покосившейся дверью, девушка ловко вывернула ноги из юкс, откинула ногами лыжи, тенью россомахи скользнула к невидимой на фоне общего строения двери. Негромко скрипнула узкая дверь. Уля вошла в убогое помещение.

– Драствуй, они!³ – поприветствовала она Ченку слегка взволнованно.

Та подняла голову, тут же уловила необычное поведение дочери. Недолго задержав взгляд своих чёрных, пронзительных глаз на лице девушки, отложила в сторону челнок и планку для вязания сетей, вытащила изо рта дымящуюся трубку, заулыбалась, заговорила на своём родном языке:

– Драствуй, доська! Почему так толго ноки таскаешь?

Уля ответила сразу, без утайки, как будто ножом срубила молодой росток талины:

– Они, я нашла в тайге лючи!

– Лючи? – удивлённо вскинула брови Ченка и проворно вскочила на ноги с медвежьей шкуры. – Де он?

Призывая за собой мать, дочь коротко взмахнула рукой, выскочила на улицу. Увидев на важенке сторбившегося мужчину, Ченка с опаской остановилась рядом. Но Уля призвала к действиям. Мать подскочила и помогла снять со спины оленухи незнакомца. Человек попытался удержаться на ногах, но зашатался, колени подогнулись. Ченке и Уле стоило огромных усилий, чтобы удержать его.

– Пашто такой слапый? Отнако помирать сопрался? – залопотала Ченка.

³ Они – мать (эвенк.).

В ответ мужчина что-то замычал, закрутил головой. Уля негромко проговорила:

– Тихо, они. Агафон услышит...

Ченка понимающе встрепелась, бросила острый взгляд на жёлтые окна хозяйского дома, поднырнула под грудь незнакомца, потащила его на себе в избу. Стараясь помочь, Уля поддерживала сзади. Когда им наконец-то удалось втиснуть через узкий, низкий проход почти неподвижное тело, хозяйка дома осмотрела бородатое, осунувшееся лицо при свете лампы.

– У-у-у, люча, отнако! Пашто такой хутой, как амикан зимой? – воскликнула она, сдержала с головы шапку, потянула за рукав куртки. – А руки-то! Красные, как прусника. Морозил сапсем. Ты што, руками в снегу мышей ловил? – И уже к дочери: – Где пыл? Как вытра, в реке плавал?

– Нет, они. Я его на Ахтыне нашла. Стрелял, на помощь звал. Я шла на выстрел, нашла след, стала тогонять. А он, – кротко показала глазами, – в Харчика стрелял. Упил... – объясняла со слезами девушка, стягивая с русского куртку.

– Зачем в тугутку стрелял? – нахмутив брови, грозно спросила Ченка.

– Есть... – наконец-то вымолвил первое слово русский и через некоторое время добавил. – Хотел...

– Они, он руку кушай, – тихо проговорила Уля.

– Как то, руку? – испуганно шарахнулась Ченка. – Ты што, труга стреляй, а потом кушай?!

– Нет... Он сам умер. Вчера утром. Я его ташил, а потом... Уже вечером... – едва слышно, с трудом переводя дыхание ответил незнакомец и повалился на земляной пол.

Мать и дочь подхватили, перенесли в дальний угол на шкуры. Раздевая, Ченка потянула за рукав холщовой, наполовину истлевшей рубахи. Уля стала снимать изодранные долгими переходами и временем ичиги. Когда в свете керосиновой лампы открылась голая, с выпирающими ребрами грудь, Ченка сочувственно закачала головой:

– Эко, хутой какой! Как марал весной. А волосатый, – захихикала, толкая дочку в бок, – как росوماха. Пашто волосы на грути? Или зимой на лыжах без дошки пегаешь? Репра торчат, как у Ивашки палалайка. Тавно мясо кушай?

– Не помню... – тяжело ответил тот и, стыдась, слабо потянул на себя маралью шкуру. – Последние две недели на рябине да на кедровом орехе... Поесть бы чего...

– Кушай закател? – Ченка растянула рот в довольной улыбке. – Это карашо. Отнако жить путешь! Ульянка! Бульон маненько в миску налей, мясо не тавай, помрёт. Пусть окрепнет. Муки маненька прось, жиру ложку, соли. А я пока руки-ноги жиром мазать путу. Амикана жир – это карашо, тёплый, как мех аскыра. Ласковый, как малатой девка. Боль отпустит, согреет, приласкает, новую шкуру натянет. Шипко ладно, – негромко напевая, говорила Ченка, осторожно прикасаясь к обмороженным местам незнакомца заячьим хвостиком, пропитанным тёплым медвежьим салом. – Кавари, как зовут?

Русский вздрогнул, приоткрыл глаза, тупо уставился на женщину:

– Звать-то? – как будто припоминая, выдержал паузу. – Зовут Сергеем. Зовите просто Серёжка.

– Серешка?! – Ченка отпрянула и недоверчиво посмотрела русскому в глаза. – Врёшь, отнако. Серешка – в лавке, у Агафона. Она плестит, её на ухо вешают. А тебя как в ухо затолкашь?

Наверное, впервые за все время он улыбнулся уголками губ. Улыбка получилась грустная, но добрая. Ченка сразу же отметила: человек хороший, не злой.

– Нет, Серёжка – это не украшение. Это меня матушка так назвала. В честь моего деда, Сергея Ивановича.

– У-у-у, ты, имя какой новый, кароший! Первый раз, отнако, слышу.

– Ну а вас-то как зовут? – собравшись с силами, проговорил Сергей.

– Ченка зовут. Моя – тунгуска, отнако.

– Тунгуска?! – в радугу изогнул брови русский. – Эвенкийка, что ли? Но ведь ваш народ... Это что, получается, что я на север попал?

– Нет. Ты не попал. Это я сама ходи. На олене, – не переставая смазывать ему руки, неторопливо говорила Ченка. – У оленя тарог много! Вся тайга тарога. Кута надо – тута етет. А это Улька, – махнула головой в сторону девушки. – Доська мой.

– Дочь?! – он даже попробовал приподняться на локтях.

– А что? Непохоша? – хитро заулыбалась хозяйка избы.

– Нет... – в смятении выдавил Сергей. – Кабы не сказала, так и думал бы, что русская... – И добавил: – Красивая...

– У ней отец люча. Тима зовут, – гордо сказала женщина и многозначительно приподняла вверх палец. – Хозяин солота!

– Солота... – спонтанно повторил русский, немного о чём-то подумал и вдруг округлил глаза. – Золота? Ты говоришь о золоте, так? Это что, выходит, меня привезла на золотой прииск?

– Так-то, так, – согласно закачала головой Ченка.

– Но куда? На какой? Как называется?

Ченка подняла вверх три пальца, дала понять, что показывает цифру три.

– Третий? Тройственный? Троицкий? – угадывал он, а она наконец-то утвердительно закачала головой.

– Новотроицкий, – вдруг поправила Уля и дополнила: – А рядом – Никольский, Фёдоровский, Егорьевский.

– А река... Река есть?

– Туманиха, – утвердительно кивнула головой Уля.

Сергей притих, призадумался:

– Нет, не знаю таких мест... И на карте не было. Видно, где-то здорово наплутали... – И вдруг, как будто что-то вспомнив, спросил: – А где хозяин-то сам?

– Тима? – вспыхнула Ченка и тут же потухла. – Так в горот хоти. Отнако, – посмотрела на Улю, – тавно ходи...

– В какой город? ... – тихо поправил Сергей.

– Мой не знай, отнако. Каварят, там дела у него. Но скоро назат хоти... – сомневаясь в собственных словах, заключила она. – Пудем месте шить.

– Так как-то? – стараясь не обидеть хозяйку дома, поинтересовался Сергей.

– Што?

– Ну, это самое... Как долго вы вот так живёте?

– Та тавно, отнако. Вон, Ульянка пальшая, скоро муша нато.

– Мужа?! Так она же маленькая совсем! – бросая благодарный взгляд на свою спасительницу, тихо проговорил русский. – Какой муж, она ещё...

– Хох! Ты слепой, как крот! Твои глаза не витят тальше носа! – взорвалась Ченка, замахала руками, как ольха на ветру. – Моей Ульке, чишнацать лет. И я так родила её. Она сапсем пальшая. Белку стреляет карашо, только в голову. На лыжах бегаёт, как кабарга. Уже три шкуры с амикана сняла. Чум умеет ставить, сети вяжет, рыбу ловит. Бисером шьёт, никто так не может. Шкуры расшивает, все в город везут, Тима хвалит, тарит назад слаткие канфеты, пряники. Осень любит доську! Винтовку карошую прислал, так, таром. Платок прислал, платье. А ты каваришь, маненькая! У нас, отнако, замуш рано ходят. Только вот Тима не хочет, каварит, сам приедет, сам муша найдёт. Загбой говорил за Асылзака выдать. Агафон ругается, злой сопсем стал, как нинакин⁴. Сказал, приедет Асылзак, голову рубить будет...

⁴ Нинакин – собака (эвенк.).

Слушает Сергей внимательно, чем дальше, тем больше глаза на лоб лезут. Наконец-то выждал, когда Ченка замолчала, тихо заговорил:

– Да-а, ну и дела у вас тут происходят. Как в Древнем Риме. Тима – хозяин прииска, Агафон всем распоряжается. Вы что здесь на положении рабов?

Говорит, а сам смотрит на Улю внимательно, как она передвигается по избе. Вдруг поймал её глаза, утонул в глубине очаровательного водопада, загорелся искрами стреляющего костра. Почувствовав что-то новое, необычное, Уля замерла застигнутой врасплох белкой, испугалась пугливой кабарожкой, которая увидела росомаху. Сердце непонятно вздрогнуло, на мгновение остановилось, а потом забилося капелью.

Едва не выронив из своих рук кружку с отваром, Уля передала бульон матери, при этом плеснув содержимое ей на руки. Горячие капли, неловко пролитые дрожащими руками дочери, были восприняты Ченкой упрёком.

– Эко, какая неловкая! – возмутилась женщина. – Как старая важенька. Пашто матери на руки жар проливаешь?

Уля молча потупила глаза. Ченка не заметила перемену в дочери. Сергей взял из рук Ченки кружку, тут же с жадностью выпил бульон. Уля налила ещё. Он выпил и это. Молчаливым взглядом Ченка разрешила дочери наполнить посуду бульоном ещё раз, но только наполовину. Третью порцию русский пил более спокойно. Это очень быстро насытило голодный желудок, по телу разлилось тепло. Уставший организм требовал отдыха. Непроизвольно отяжелевшие веки закрыли глаза. Голова завалилась набок. Сознание окутал глубокий, беспробудный сон.

Ченка едва успела вытащить из обмякших рук кружку, о чём-то спросила русского, но тот уже не слышал её, спал. Тогда женщина накрыла его мягким, лёгким одеялом из выделанной оленьей шкуры, подкинула в печь полено и, подкуривая свою неизменную трубку, негромко заговорила, обращаясь неизвестно к кому:

– Ишь, как устал шипко, отнако. Но ничего! Зверю тайга, рыбе вода, кружатому сон. Молотое тело пыстро набирает силу. Мясо и жир потнимут любого. – И, уже обращаясь к дочери: – И где ты его нашла?

Уля не сразу услышала вопрос матери, вздрогнула. Но потом, наконец-то поняв, что от неё хотят, стала неторопливо, подробно рассказывать о случившемся. Блестящие глаза девушки при этом неотрывно смотрели на осунувшееся, угловатое лицо спасённого ею человека.

Сергей проснулся от страшного сна. Поворачивая голову из стороны в сторону, не понимая, где он находится, какое-то время осматривал приземистое, закопчённое помещение. Только что ему снился сон, в котором он и его верный товарищ Иван находились в тайге у костра, варили в казане аппетитный кусок оленины. Как потом оказалось, это было совсем не мясо сокжоя, а корявая, обуглившаяся рука друга, зажаренная на вертеле. Сам Иван сидит напротив, за костром, и с горьким упрёком говорит ему: «Зачем же ты, Серёга, руку-то мне отрубил? Как теперь я буду в тайге с одной рукой?»

Наконец-то полностью очнувшись, он вспомнил всё, что с ним произошло вчера, узнал помещение и почувствовал уже знакомый, кисловато-затхлый запах табака, пота и выделяемых шкур. В небольшое окно через мочевого пузыря сохатого слабо пробивался мутный свет утра. На столе, как это было вчера вечером, горела всё та же керосиновая лампа. В приземистой печи металось запертое пламя огня. По всей избе стелился запах варившегося мяса, жареной рыбы. На столе в берестяном чумане стояла горка недавно испечённых лепёшек. От предвкушения еды голова Сергея закружилась, в глазах замелькали радужные вспышки. Голод напомнил о себе острой резью в желудке. По всему телу поплыла волна слабости. Он откинул с себя тёплую шкуру, попытался приподняться на локтях. Однако слабые руки затряслись, не удержали тело. Упал на спину, негромко застонал. Ему никто не ответил. Никого рядом не было.

Где-то за стенами сруба далеко и глухо слышалась негромкая переключка собак. Затем, как будто на удивление всему окружающему миру, вдруг замычала корова. В ответ ей продолжительным ржанием отзывалась лошадь. Ей откликнулся... петух! И лишь после этого, перебивая голоса животного мира, весело, громко и даже как-то забавно забубнил звонкий мужской голос. Что-то далёкое, прекрасно знакомое, родное вспомнилось Сергею в этих переключках. Было трогательно, неправдоподобно и почти невероятно – после долгих скитаний в глухой, дикой тайге услышать спокойный, размеренный ритм обычной деревенской улицы. Плохо понимая, что с ним происходит, он почувствовал на своих щеках мокреть. Дотронулся ладонью до глаз, понял, что плачет. Стараясь не поддаваться слабости, вытер слёзы, а сам всё слушал и слушал, надеясь вновь и вновь услышать тот мир, который не надеялся увидеть никогда.

На улице послышалась лёгкая поступь. По мере приближения торопливых шагов, Сергей понял, что кто-то идёт к избе. Тонко скрипнула дверь, с клубами морозного воздуха в помещение серой мышкой юркнула хозяйка дома. Недолго осмотревшись со света в темноте, она поставила у порога берестяное ведро с холодной водой и, посмотрев в угол, где лежал русский, растянула губы в тонкой, приятной улыбке:

– А-а-а, бое! Проснулся, отнако.

– Мне бы... на двор сходить... – потупив взгляд, попросил Сергей.

Ченка поняла, засуетилась, подала ему грязную посуду. Он, стесняясь, стал подниматься. Она тут же осадила его:

– Хоти тут. Я унесу...

– Да я сам схожу, потихоньку...

– Сто ты – незя тебе хоти. Лези, тут карасо.

– Почему? – удивился Сергей.

– Агафон увидит. Шипко хуто путет, ругаться путет. Тепя в тайга, на мороз выгонит. А тебе незя тайга хотить, тебя лечить нато, кормить нато.

– Что же это у вас так получается, и людей в гости не пускаете? А как же тогда закон тайги?

– А так то. Своим мозно, чужим незя. Тима так каварил. Кто на заимка живёт, Агафон всех знат. Чузих – тайга гонит, маутом по спине пьёт, палкой по голове. Закон у него такой. Плахой закон, а что телать?

– А если он меня увидит, тогда вам что будет?

– Не думай о том. Ченка корошо прячет, никто не найдёт. Не думай о том. Агафон гости редко ходит. Не бойся, отнако.

– А я и не боюсь. Мне-то что бояться? Я за себя отвечу. Только вот вы...

– А ништо. Ченка палки не боится. Ты не тумай. Тавай лучше тебя кормить мало-мало путем. Сегодня тебе кушай нато польше. Вот на-ка рыба, печёнка. Печёнку кушай много, тут вся сила. Пыстро зторовым путешь, сильным. Кушай карашо, а потом маненько шаманить путем. Вот, смотри, отнако, мазь готовила. Шир, шивица, воск, масло. Карашо руки лечит, – и посмотрела на его руки. – Ишь, как руки мёрзли, витно, с Харги здоровался?..

Сергей с жадностью набросился на еду. Не обращая внимания на боль в руках, красными пальцами хватал поджаренные на огне пластики печени, обжигая губы, запивал мясным бульоном, тут же хватал большие куски вяленого тайменя, отправлял их в рот и, почти не разжёвывая, глотал. Ченка улыбалась, суежилась, обжаривая и подавая ему новые кусочки печени, мяса. Но потом вдруг вырвала у него кружку с бульоном и поставила на стол:

– Хватит, отнако. Кушал маненько, потом ещё кушай путешь. Сразу много незя, живот ругаться путет.

Сергей нехотя повиновался, покорно отвалился на спину и тут вдруг вспомнил:

– А у вас тут что, на заимке корова есть?

– Так, отнако, – равнодушно ответила Ченка. – Пелагия доит, Ивашка кормит, поит, чистит. Агафон молоко пьёт.

– А что, – робко спросил Сергей, – можно молоко попробовать?

Женщина удивлённо посмотрела на него, но потом, как будто что-то вспомнив, радостно хлопнула себя по бедрам:

– Ой, бое! Ты, отнако, люча! Малако люпишь? Скажи, Ченка принесёт малако. Все лючи малако пьют. Я малако не пью, не умею, не кусно. Ченка люпит пить горячий шир. Загбой люпит шир пить. А Улька не люпит. Улька люпит малако. В её жилах пешит польше русской крови. Русская кровь малако люпит. А тунгус любит жир амикана.

– А где Уля? – вдруг спросил Сергей.

– Ульянка? – встрепенулась Ченка. – Эко! Долго спишь, отнако, как барсук. Ульянка рано стаёт, как аскыр, – и засмеялась собственному выводу. – Два раза пегала, смотрела тебя. Парку хочет тебе шить. Твоя хутая сопсем. Зимой холодно путет, замёрзнешь.

– Где шьёт? – не понял Сергей.

– Как где? – удивилась Ченка. – Тома, отнако.

– Так она что, с тобой не живёт?

– Не. Там шивёт, – махнула рукой на улицу и, несколько склонив от обиды голову, пояснила: – В польшом томе. Я трупка курю, Уля не люпит, чихат. Каварит, шипко плоха, кто курит. Зверь патом нюхает талеко. Знаю, отнако, привыкла. Агафон казал, чтопы Улька жила польшом томе. А меня гонит, казал, что я оленями пахну...

Она отвернулась, смахнула набежавшую обиду рукой, повернулась уже с улыбкой:

– Уля притёт, парку кроить путет. Я тебе арамусы⁵ сошью. Загбой притёт, лыжи колоть путет. Тогта томой шагать путешь. Отнако это патом путет. Тебя лечить нато. Здоровым нато пыть, хотить много и долго. Тайга любит сильных и здоровых! Тайга не люпит польных и слабых. Теперь, отнако, давай, пудем руки и ноги широм мазать.

Ченка зацепила ладонью пригоршню своей мази и так же, как вчера, стала осторожно втирать жир по обмороженным местам. От боли Сергей поморщился, глубоко вздохнул, но вытерпел, подчиняясь опытной целительнице. Чтобы хоть как-то отвлечься от неприятного, но необходимого лечения, вспомнил о новом, ещё не знакомом ему имене:

– А кто такой Загбой?

– Закбой? – удивилась женщина. – Мой отец, тет Ули.

– А где он сейчас?

– А кто знат... – равнодушно махнула Ченка рукой куда-то на стену. – Закбой, как сок-жой, такой же плутня. Кажтый тень куда-то хоти. Много том, в долине Хабазлака живёт молодая жена, Ихтыма, сын, отнако, родился, Шинкильхор. Сеготня сюта ходи, завтра тута. Куда след аскыра итёт, туда и Закбой етет. Добутет сополя, приедет. Даст Агафону аскыра, спирт пьёт и опять етет за сополем. Так и хотит всю зиму туда-сюда. Тома мало живи.

– А давно он был здесь последний раз?

Ченка наморщила лоб, что-то вспоминая. Потом ответила:

– Не знаю, не помню. Мошет, пять дней, мошет, десять... Скоро скучать путет, приетет опять.

– И что, он так один всегда и ходит?

– Пашто один? Копель с ним, Чабой. Хороший нинакин, сополь, пелка тропит, медведя держит, сохатого слетит. Два оленя с ним. Нет, не один.

Сергей задумался, переосмысливая ее слова. Он всегда удивлялся образу жизни людей тайги. То, что для него казалось необычным, для них было понятным и естественным, потому что они жили этой жизнью и не представляли себе никакой другой.

⁵ Арамусы — длинная, во всю ногу, меховая обувь (эвенк.).

Так же, как и вчера вечером, насыщение принесло тепло, покой, безразличие. Сергей был ещё очень слаб для продолжительного бодрствования. Измученный голодом, холодом и физическими нагрузками организм требовал отдыха, покоя. Разум притупил все чувства, уступая место здоровому сну.

– Я тайга мало хошу, – не замечая его состояния, продолжала Ченка. – Нато шкуры телай, рыпу лови, сети вяши. Уля хоти тайга, ловушки смотри. Мно-ого ловушек! Как звёзд на непе. Аскыр ловит, пелка, колонок. Тоже карошо, отнако... Эко, бое! Да ты спишь! Спи, сон приносит зторовье. Зторовье приносит силы, – осторожно накрыла Сергея шкурой и стала набивать трубку табаком.

В следующий раз он проснулся от лёгкого, нежного прикосновения чьих-то рук на своих плечах. Сергей открыл глаза и увидел над собой бесконечную глубину голубых, широко открытых, слегка испуганных глаз. Они напоминали цвет таёжного водопада, переливающийся на солнце глубокими оттенками синевы. Этот водопад видел летом в Саянах и поразился его красоте. И почему в сравнение с глазами ему представился сразу же этот водопад, он не мог понять. Чёрные зрачки горели искорками. Длинные, подрагивающие реснички изогнулись пёрышками знойной мухоловки. Тонкие брови замерли в стремительном полете сапсана, сложившего свои крылья в пике за жертвой. Слегка приплюснутый носик придавал лицу какую-то необъяснимую нежность. Набухшие свежестью влажной земли губы приоткрывали ровные ряды белых зубов. Гладкую, тонкую кожу бежевого лица окрасил пурпурный цвет первых лучей солнца. Лёгкое дыхание... Все говорило о чистоте, непорочности девушки и наполняло его необъяснимым волнением.

Сергей впервые так близко – лицо в лицо – видел Улю. Там, в тайге, на гольце, при слабом освещении лучины он не мог так ясно разглядеть лицо своей спасительницы. Прежние взгляды девушки были быстры, скоротечны, как пролетевшая мимо птица, и не давали полного представления об истинном очаровании этого прелестного создания.

За свои двадцать семь лет Сергей видел многих девушек. Жизнь в столице, его профессия предоставляли неограниченные возможности для общения с особами прекрасного пола во многих местах России. Он видел важных дам великого Петербурга, расфуфыренных москвичек, большегрудых, пышнотелых хохлушек, проворных веселушек Оренбурга и конечно же скромных сибирячек. Было с кем сравнить. Кто-то своим поведением интриговал молодого человека, кто-то нарочито кружил голову и даже подносил огонь к горячему сердцу. Однако по прошествии времени, после перемены места жительства амурные страсти быстро сгорали, не оставляя особых чувств, которые можно было бы вспомнить с тоской. Расплывались чувственные черты приглянувшейся Маши. Угасал кареглазый взор лукавой Наташи. Растворилась в дыме прелестная улыбка пышногрудой Ольги.

И вот Уля. Она принесла новое, непонятное, необъяснимое чувство. Сергей встречал и видел девушек очаровательней. В ней, казалось, не было ничего особенного. Открытый взгляд, улыбка, мягкий, спокойный голос, простота в общении, хрупкость стройной фигуры, точность в движениях, в которых скрывается сила духа, величие души и благородство сердца. И дрогнуло несколько избалованное женским вниманием мужское сознание. Не этот ли взгляд, подобно которому он никогда не встречал в своей жизни, прожёт его зачерстведшую душу? А может, околдовал голос, что схож с журчанием зарождающегося ручейка? Или ласковое прикосновение мягких рук, что подобны душистым таёжным травам? И правда ли, что собственная душа сливается с той душой, которая продлила тебе жизнь?..

Он неожиданно прикрыл своими горячими руками её маленькие, тёплые ладони. Она вздрогнула, попыталась освободиться, но Сергей держал хрупкие пальчики крепко, уверенно, как трепетный куропат нежно прикрывает крылом свою возлюбленную. Уля испуганно замерла, ожидая дальнейших действий. Широко открытые глаза задержались в его взволнованных глазах. На мгновение возникла неопределённость, граничащая с непредсказуемостью.

– А-а-а, проснулся, отнако? – выглянула из-за спины дочери Ченка. – Спал карашо?

Уля вздрогнула, резким рывком освободила свои руки, вскочила с колен и, мгновенно покраснев до цвета осенней брусники, потупив глаза, стала теревить пальцами суровую нить.

– Пашто пугался? – засмеялась Ченка и пыхнула трубкой. – Бояться не надо, Улька не амикан, кушай не путет. Тебе, однако, надо парку шить, руки-плечи мерить.

Сергей согласно кивнул головой, покорно опустил руки вдоль туловища, молча предлагая девушке сделать задуманное.

– Сто стоишь, как сухой пихта? Люча шдёт, – заметив замешательство дочери, подтолкнула Улю мать.

Девушка вновь опустилась на колени, медленно протянула нитку к его плечам. Теперь она прятала глаза, смотрела куда-то в сторону. Руки Ули дрожали мелкой дрожью, как будто впервые в своей жизни добыла чёрного аскыра. Дыхание замерло, а на прикушенных зубами губах выступила капелька крови. Быстро измерив ширину плеч, она завязала узелок. Затем протянула ту же нить по длине рук, сняла мерку от плеча до кисти.

– Что, нитки не хватает? Неужели мои руки такие длинные? – попытался пошутить Сергей.

– Хватает, – мило улыбнулась Уля в ответ и, завязывая второй узелок, добавила: – На твои широкие плечи отной шкуры бутет мало.

– Неужели такой большой?

Уля промолчала, встала, отошла в сторону. Но там, у стола, быстро, тайно от матери посмотрела на него и подарила другую, не похожую на все остальные улыбку. Сергею показалось, что в сумеречном помещении стало светлее и просторнее.

Вместо дочери разговор поддержала словоохотливая мать. Шумно пыхнув дымом ему в лицо, затараторила:

– Пальшой-пальшой! Как сохатый! Только вот мяса нет, одни кости. Куда мясо тевал? Тайга оставил? Нато мясо растить, а то кости двигаться не путут. На вот, отнако, маласька принесла, пей. Патом путем печёнку, мясо, рыбу кушай. И шаманить путем, руки широм мазать. Тавай смотреть будем руки. Эко! Карашо, отнако. Скоро новая шкура расти будет, будешь как новый.

Женщина протянула Сергею небольшой берестяной туес, наполовину заполненный коровьим молоком. Он взял его в руки, с жадностью стал пить. Мать и дочь с удовольствием и наивным, детским любопытством наблюдали за ним.

– Кусно? – широко заулыбалась Ченка. – Пей-пей! Мало путет, Уля ещё принесёт. Карова Пелагии много малако таёт. Ветро пальсое!

– Эх, хорошо! – наконец-то оторвался он от туеса, вернул пустую посуду женщине и, блаженно вздыхая, вытер рукой рот.

На подворье залаяли собаки: дружно, злобно, яростно. Ченка засуетилась, вскочила на ноги и, даже не набросив на плечи одежду, бросилась к двери:

– Идёт кто-то, чужой, отнако. Смотреть нато.

Сергей и Уля молча переглянулись, проводили ее встревоженными глазами, стали наблюдать за хлопнувшей дверью. А там, на улице уже слышались резкие, отрывистые крики, Ченка успокаивала собак. Откуда-то издали донеслись глухие, радостные возгласы приветствия, ответные, восторженные слова тунгуски, хорканье оленей, какой-то непонятный шум. Прошла минута, за ней вторая. Уля, не зная, куда деться от прямого взгляда русского, нервно теребила нитку и упрямо смотрела куда-то в угол.

– Какой красивый у тебя узор! – наконец-то нарушил молчание Сергей и, разряжая обстановку, дополнил: – Сама вышивала?

Уля вздрогнула, прикрыла руками искусно расшитое хольмэ, покраснела. Она была благодарна ему за эти слова. Недаром потрачены долгие, длинные вечера за вышивкой бисером.

Не зря девушка корпела над сложным орнаментом: сцена охоты на медведя получилась выразительной, красочной и оригинальной. Вовремя она надела новый нагрудник перед очередным посещением дома матери и потратила два часа на плетение мелких косичек. Как приятно слышать слова русского о том, что её брови, ресницы, глаза и рот выразительны и неповторимы! Так зачем ей открывать Сергею маленькую тайну, что брови она покрыла пылью ольхи, ресницы расчесала иголкой, а губы подкрасила корой талины?

– А кто тебя учил вышивать? – поинтересовался он.

– Они, – тихо ответила Уля. – Мама, она на все руки мастерица.

– Как это называется? – с интересом спросил Сергей, одновременно не переставая любоваться её приятными чертами лица и бугристыми формами груди, на которой лежал девичий нагрудник.

– Хольмэ, – коротко ответила Уля и, сама того не понимая, зажигающе, нежно и медленно поглаживала руками многоцветный рисунок.

Он постарался перевести разговор на другую тему. Серьёзно, привлекая к себе её взгляд заговорил:

– Я хочу тебе сказать...

– Что? – не выдержав его короткого замешательства, поторопила она.

– Спасибо тебе! Ты спасла меня – спасла мне жизнь! Не знаю тех слов благодарности, что я мог бы сейчас тебе сказать... Я твой должник!

– Да ничего... Чего там! У нас так любой бы тебе помог, окажись на моём месте... – стараясь казаться равнодушной, взмахнула Уля рукой, но по её поведению было видно, что слова Сергея для неё приятны, важны и своевременны.

На улице послышались торопливые шаги. Дверь широко распахнулась, и с клубами морозного воздуха в избу вбежала Ченка:

– Ой, бое! Праздник у нас, отнако! Калтан пришёл, пуснину принёс на покруту. Меня звал, Иваську звал, всех звал спирт пить.

– Они, не ходи, пожалуйста, прошу тебя! – взволнованно заговорила Уля.

– А сто? Я пойду, посмотреть буду, как Агафон пуснину брать будет. Без меня – никак. Я знаю, как пуснину брать надо. Аскыр – так, белка – так, колонок – так... – замахала женщина руками, представляя, как она будет перебирать мех.

– Без тебя обойдутся, – взмолилась Уля. – Опять будешь пьяная, упадёшь, на морозе валяться станешь, а Агафон над тобой будет смеяться.

– Ну и сто? Ты меня томой тащить путешь. Я лёгкая, нести неталеко, том рятom. Агафон сам спирт пить будет, и Калтан, и жена его, и сын. Калтан редко ходит. Как Калтан ходит – сразу праздник!

Ченку не остановить. Она уже одела нарядную дошку, подцепила хольмэ, на голову завязала яркий платочек, на ноги натянула длинные арамусы и бросилась к двери.

Уля подавленно молчала, стыдясь поведения матери. Сергей, не понимая, что происходит, бросал удивлённые взгляды то на мать, то на дочь. Ещё не распахнув дверь, Ченка вдруг вспомнила, повернулась и наказала Уле:

– Бое корми, отнако, кушать хочет. Широм руки натирай, ему здоровым пить нато...

Не договорив последних слов, женщина убежала. Сергей и Уля остались одни. Некоторое время молчали. Потом, как будто спохватившись, Уля засуетилась:

– Кушай путешь?

Он кивнул головой. Девушка достала из казана мясо, положила самые вкусные куски, подала. Сергей попросил лепёшку, молока, стал быстро есть. Уля ненадолго выскочила на улицу, принесла из-под навеса большой кусок мороженой печени, взяла нож, стала ловко резать строганину:

– Ешь сырую, так лучше, полезнее.

Он не отказался и от этого лакомства, присыпая тонкие ломтики солью, стал есть сырую печень сохатого.

– Кто такой Калтан? – вдруг спросил Сергей, нарушая неловкое молчание.

– Калтан? – переспросила девушка. – Бурят, охотник, как и все. Вот после сезона принёс пушнину на продажу, будет менять в лавке на товар. Что променяет, что пропъёт, вместе с женой и сыном. За два дня всё спустит и опять уйдёт в тайгу. Что до весны допустит, опять несёт сюта. И так круглый год...

– И много... таких Калтанов пушнину носят?

– Много! Вся округа тут хочет. Несут сюда. Через день, да каждый день. Затишье только тогда, когда сезон и все на промысле... И все матери – друзья... Событыльники...

Он ел и со свойственным его характеру любопытством и разумной ненастойчивостью спокойно задавал ей вопросы. Она щедро кормила и охотно рассказывала обо всём, что интересовало. В этом непринуждённом общении рождалось что-то новое, ещё непонятное. На первый взгляд, это более всего походило на крепкую дружбу. Однако светящиеся глаза, непродолжительные, перекрещивающиеся взгляды говорили о другом. Только об этом они друг другу не говорили, переосмысливая происходящее в своих душах.

Сергей любовался Улей со стороны. Ему был приятен её нежный, мелодичный голосок. Иногда казалось, что речь девушки сопоставима со звонкоголосой трелью токующего жаворонка, когда-то, в детстве, услышанного на подмосковных полях. Затем трель пернатой птицы незаметно перерождалась в легкое журчание ручейка, что было удивительно и неповторимо. Волновали плавные, размеренные движения её гибкого стана, налившихся форм юного тела, милая улыбка, искорки светящихся глаз, мягкое прикосновение нежных рук.

Уле же в Сергее важно было, прежде всего, его внимание. Простые вопросы, на которые она была готова отвечать бесконечно, внимательный взгляд, необычное – новое для нее – отношение к ней. В противоположность похотливым глазам старателей, хитрым уловкам, склонению к близости грубого Агафона и безразличию жителей прииска, Сергей был внимателен, добр, уважителен. Никого похожего на него она ещё не встречала, и всё больше он нравился ей. Сама того не понимая, стала подражать, копируя мимику, движения, которые нравились. Получалось как-то забавно и даже смешно.

Уле предстояло провести Сергею очередную процедуру, заменить Ченку. Девушка боялась и не могла представить, как это будет происходить... Она могла без всякой робости намазать голое тело Агафона или даже сделать массаж Калтану. Но чтобы прикоснуться к Сергею... Это было превыше всех её сил и чувств.

Он, кажется, понял состояние Ули, понял по её поведению. Видел, как она с туесом в руках кружит около него, прячет глаза и застенчиво прикусывает губу. Тогда он решил помочь ей. Прежде всего, нужно успокоить Улю, проще говоря, развеселить, снять напряжение. Недолго думая, рассказал ей весёлую – только что придуманную – историю о том, как его в тайге напугал заяц. Уля долго смеялась, расслабилась, незаметно присела перед ним на корточки и без всякого страха прикоснулась пальцами к его рукам.

Какими счастливыми для него были эти мгновения! Нежность, ласка, теплота мягких ладошек переплелись в один прочный узел. Прежде всего, Сергей был мужчиной, молодым человеком, долгое время прожившим в тайге без женщины. Но сейчас его чувства были не просто страстным желанием или влечением.

Желая как можно дольше продлить эти минуты, он растягивал время, старался отвлечь её занимательными разговорами, говорил о чём-то смешном, вспомнил, как ночью ему на лицо прыгнула лягушка и ещё что-то в этом роде. Уля смеялась по-детски мило, заразительно, и от этого казалась ещё прекраснее. Сергей любовался ею. Впитывал в себя её обаяние, чувственность, как сухой ягель впитывает свежесть и дыхание вечерней росы после знойного дня. И когда лечебная процедура закончилась, искренне пожалел, что эти мгновения пролетели так

быстро. В последний момент ему показалось, что подобными чувствами была охвачена и Уля: натирая мазью его пальцы, девушка задерживала движение своих рук, обрабатывала дольше обычного, стараясь протянуть время. Он осторожно и нежно взял её ладонь, попытался притянуть к себе. Она, как будто опомнившись, вскочила на ноги и, посмотрев ему в глаза глазками пугливой кабарги, отошла к столу.

В избе опять возникла напряженная пауза. Он прикрыл грудь шкурой, искоса наблюдал. Она присела на чурку у порога, стала теребить прядки своих косичек. И вдруг спросила:

– А мошно... Мошно, я тепе парку путу тут шить?

Он не сразу понял, о чём просит. А когда понял, открыл рот: такого поворота событий никак не ожидал. Сергей хотел, чтобы Уля оставалась с ним как можно дольше, но чтобы она спросила у него об этом сама! Однако, скрывая свои эмоции, ответил даже как-то прохладно:

– А что ты меня спрашиваешь? В этом доме я не хозяин. Как я могу что-то решать? И почему ты меня об этом спрашиваешь?

– Может, я тепе путу мешать... – робко проговорила Уля.

– Ты?! Мне будешь мешать? – удивился он и уже открыто усмехнулся: – Никогда! Я хочу, чтобы ты от меня вообще никуда не уходила.

Она внимательно посмотрела, слабо улыбнулась, но ничего не сказала. Спокойно встала, убрала со стола, расстелила небольшую пыжиковую шкуру оленёнка, начала что-то чертить угольком.

Сергей молча смотрел, не задавая отвлекающих вопросов. Уля, погруженная в работу, казалось, не замечала его. В избе возникла особенная тишина. Наблюдая за плавными, размеренными движениями рук девушки, Сергей не заметил, как на осоловевшие глаза клейкими лепестками кедровых орехов опустились тяжёлые веки. Он уже не чувствовал, не слышал, как Уля тихо подошла к нему, накрыла голые плечи тёплой оленьей шкурой.

Этот кратковременный отдых был необходим измученному, уставшему организму. Сон был недолгим. Молодость брала верх. Питательная пища, тепло, покой и уют восстанавливали силы.

Сергей не помнит начало сна. Он не видел в нём красочных эпизодов. Сплошная темнота, чернота, провал, пустота. Но вот за стеной этой темноты вдруг забрезжил слабый свет. Он становился ярче, отчётливее, а вместе с ним в сознание проникал чувственный, мелодичный, хорошо знакомый голос. Медленно просыпаясь, Сергей пытался вспомнить, где он слышал этот голос. Он открыл глаза, узнал уже знакомые очертания избы и тут же все понял.

Уля говорила негромко, вполголоса, для себя, не замечая ничего вокруг, кроме своей работы. Вместе с уверенными, быстрыми движениями рук из её уст слышалась спокойная речь. Какие-то мгновения Сергей даже не мог понять, о чём говорит девушка, а когда расслышал, удивился. Уля складывала свои мысли в стихи. Это было невероятно, здесь, в глухой тайге, слышать рифмованные фразы, которые были в какой-то мере похожи на сочинения знакомых ему поэтов. Сергей притих, соображая, не ослышался ли он? А она, не замечая его, погруженная в свои мысли, говорила. Говорила складно, создавалось впечатление, что девушка просто читает по памяти давно знакомые строки. Но Сергей видел по выражению её лица, серьёзному, эмоциональному, что Уля говорит то, что только сейчас пришло ей на ум:

Передо мной – оленья шкура,

На ней узор сшивает прочная игла.

Я для Сергея раскроила меховую парку,

Так будь быстра, моя проворная рука.

Сергей пошевелился. Уля вздрогнула, бросила на него быстрый взгляд, поняла, что он не спал и всё слышал, низко опустив голову, замолчала. Он подождал ещё какое-то время, открыл глаза и повернулся к ней лицом:

– Ты читаешь стихи?

Она закрутилась на месте, покраснела и, не находя слов на его вопрос, выпалила:

– А подслушивать некарашо.

– Извини, я не хотел, так уж получилось, – начал оправдываться он и тут же заинтересованно спросил: – А кто тебя этому учил?

– Тётя Пелагия, – недолго помедлив, ответила она.

– Кто такая тётя Пелагия?

– Сейчас она за томом слетит, кушай вари, убирается, с хозяйством управляется. Дяди Ивана жена. Она для меня – вторая мама.

– И чему же она тебя ещё научила?

– Немногому. Считать, до двадцати. Писать пуквы. Читай маненько. У неё целых две книги есть. Одна называется про Герасима, как он собаку топил. А вторая про царя Салтана. Пушкин писал. Мама Пелагия говорит, что где-то там, в короте есть ещё очень много книжек, так много, как синичек в тайге. Раньше она жила в короте, в доме у какого-то купца. Там книги видела. И читать там же научилась. Потом вышла замуж за Ивана-конюха, а отец мой этого Ивана взял на рапоту, сюда, на прииск. Так вот она и стала шить тут. А книги эти ей та купчиха тарила, у которой она раньше в томе гувернанткой работала, в короте, – тяжело вздохнула Уля и замолчала.

– А ты в городе часто бываешь? – вдруг спросил он.

Она удивлённо вскинула ресницы, долго смотрела на него и, потупив глаза, отрицательно качала головой:

– Нет. Никогда не пыла... Мама Пелагия коворит, что там карашо! Людей много, как уток на озере весной и осенью. Ещё каварит, что там разные лавки, как у Агафона, на каждом шагу, а в них конфеты, пряники дают, леденцы. А ещё там томов много, рядом друг с другом стоят, как кедров в тайге. И лошадей там в телеги и сани запрягают и ездят не на спинах, а в санях, сзади. Только я не верю, как так можно? Как можно ехать на телеге, там же колодины, кочки да горы. У нас же тут, в тайге, на санях не проедешь. Только верхом, на спине или в поводу вести за собой.

Сергей глубоко вздохнул, задумчиво покачал головой: «Ах, Уля! Дитя тайги! Не испорченный цивилизацией человек. Просто дикарка, как ты далека от людской суеты. Счастливая, не зная бы тебе всего этого до конца своих дней...»

А она, как будто прочитав его мысли, не замедлила спросить:

– А ты был в короте хоть раз?

– Да, был. И очень долго, с самого детства, я жил там.

– Шил?! – изумлённо воскликнула девушка. – Где это шил, в самом короте?

– Да, в самом. – И уже задумчиво дополнил: – Большой город, Петербург называется.

– Ой, а мне мама Пелагия про него кавари. Это правда, что он там столица всей тайги?

Он засмеялся:

– Не столица всей тайги, а столица всей России. В России не только одна тайга. В ней много чего есть: и степи, и моря, и озера, и города, и деревни.

– Да?... – удивлению Ули не было предела. – А я вот, кроме тайга, ничего не витела, – уже тише проговорила она и взяла в руки отложенное шитье. – И как там, в корое, правта, много людей?

– Ну, как тебе сказать, перелётных уток не видел, но вот с муравейником сравнить можно.

– Ух, ты! – восхищённо прошептала она. – Это, наверное, очень весело, карашо, когда много людей. Это у нас так всегда, когда старатели в тайгу на сезон приходят. Мушки, женщины, дети. Смех, запоты, раскаворы...

– Ну, не знаю, как у вас тут на прииске бывает, а в городе ничего хорошего. – Сергей равнодушно пожал плечами. – Так себе, шум, суета, грязь, пыль, дым. Людей много, а поздороваться не с кем. Все чужие, незнакомые, того и гляди, нороят друг друга обмануть. Чтобы в городе жить, нужны деньги. Много денег, без них никуда. Вот в тайге другое дело. Захотел поест: либо в озере рыбу поймал, либо зверя добыл, рябчика, глухаря, шишек кедровых собирал или ещё что-то. А там за всё это надо платить, покупать в лавке, на рынке за деньги. А деньги надо зарабатывать. Впрочем, что я тебе объясняю, тебе надо самой видеть, так просто не поймёшь.

– А мама Пелагия каварит, что там карашо, – недоверчиво посмотрев на Сергея, протянула Уля.

– А если хорошо, то почему она здесь, в тайге, на заимке живёт?

– Не знаю... Здесь ей тоже нравится, хотя она постоянно крустит и скучает. А в корот она не хочет, дятка Иван не пускает, да и хоти ей некута, сирота она.

– А далеко ли отсюда до вашего города? – поинтересовался Сергей.

– Не знаю, сама не ходи. Но люди каварят, не очень. Сначала надо хоти до Егорьевского прииска три дня, потом до Покровского ещё отин тень. Ну а уж потом и в корот ещё два дня... Если перевалы снегом не завалит или не будет грозы.

– А много перевалов?

Уля призадумалась, что-то вспоминая, потом ответила:

– Каварят, три пальших и пять маленьких. Ходи надо туда, – махнула рукой на восток.

– И что, больше других дорог нет?

– Как нет? Есть. Только хотить нато толго. На север ходи, там голыцы, летники, на лоша-
тях не пройти, только на оленях. Это ещё три дня хоти надо. А там, – показала на запад, –
каньоны, скалы отвесные, тоже плохо хоти. Места нато знать. Тетушка знает, он был. Но там
редко кто хоти. Зачем хоти там, когда есть тропа? Снегопад и грозу можно и переждать...

– Да, действительно, – в раздумье покачал головой Сергей, соображая, где, в каком месте
он сейчас может находиться. Оставалось загадкой его настоящее проживание. Ни Ченка, ни
Уля не могли объяснить, откуда он пришёл, где находится сейчас и куда надо идти. Неболь-
шая кожаная сумка, в которой он носил карту, документы сохранились. Но на карте не было
тех мест, где он сейчас находился. Даже название уездного города, о котором постоянно упо-
минала его спасительница, не знакомо. Может быть, это малоизвестный, затерявшийся далеко
в глубинке посёлок местных купчишек-золотопромышленников или столица уезда, или даже
округа. Более чем загадочно, что он остался жить, но не знал, где находится. И тут Сергею
вдруг пришла мысль – спросить Улю не о больших населённых пунктах, о которых она не имела
представления, а об известных местах в тайге.

Не долго думая, он тут же выдохнул:

– А ты знаешь, где находится голец Кучум?

Она беззаботно подняла на него свои глаза и равнодушно, как будто говорила о казане
под воду, ответила:

– Знаю, мы с тетужкой Закбоем к нему в прошлом готу хоти. Это там, – небрежно мах-
нула рукой на запад. – Нато Туманиху вершить, потом хоти направо, по Седому пелогорью. За
пять тней хоти мозно, если летом. Зимой – польше, потому что тень короткий. – И уже таин-
ственно дополнила: – Только хоти на голец нельзя, место плохое, гиблое. Там, под перевалом,
чина стоит...

– Что за чина? – похолодел он.

– Знак такой, на сломанном кетре злой тух рублен. Хоти незя, люти пропатай. И не только люти, там звери не хоти, тропа нет. Птица не летай...

– Вот оно что... – протянул Сергей. – Кажется, теперь я понемногу начинаю понимать.

А сам уже лихорадочно соображал: «Значит, Кучум на западе. Экспедиция вышла к голцу с западной стороны. Это получается, что после “всего” мы шли на восток. Не шли, а блудили целый месяц. И этой самой чины-знака не видели, потому что стоит за перевалом, с западной стороны. А сейчас нахожусь я, скорее всего... Понял где!»

Он повеселел, погружённый в свои мысли, не сразу расслышал вопроса. Лишь только тогда, когда Уля робко повторила третий раз, вздрогнул:

– Что?!

– Не слышишь? – обиженно спросила она. – Третий раз спрашиваю, а ты всё молчишь.

– Извини, задумался. О чём спрашиваешь?

– Ты был там, на Кучуме?

– Был!..

– И что там?

– Там? Да понимаешь, странно как-то все случилось, непонятно... Впрочем, ладно, потом как-нибудь, расскажу, – задумчиво проговорил он и тяжело вздохнул. – Немного позже...

Уля посмотрела на него обиженно. Было видно, что заинтересована его появлением в тайге, однако более спрашивать ничего не стала. Она всегда опиралась на мудрость людей тайги: «Если человек не хочет говорить, не надо приставать с вопросами. Придёт время, расскажет сам». Девушка склонилась над работой, но минут через пять не вытерпела, подняла голову:

– А Петерпурк, это талеко?

Не ожидая подобного вопроса, Сергей вздрогнул, посмотрел ей в глаза и грустно выдохнул:

– Очень далеко...

– Талеко, это как? – не унималась она. – На олене можно тоехать за месяц?

Он засмеялся, она сконфуженно засопела носом.

– Не знаю, – наконец-то проговорил Сергей. – За месяц-то, наверное, не доедешь. Сейчас люди ездят на поезде. Понимаешь? Через всю тайгу провели железную дорогу, рельсы такие, сплошные, непрерывные, на много-много километров. А по этим рельсам едет машина на колёсах, паровоз называется, и тянет за собой вагоны, домики такие, тоже на колёсах. А в них люди сидят, едут, куда им надо. Мно-о-ого людей, десятки, сотни! И груз разный.

– А сколько лошадей тянут этот паровоз?

– А нисколько. Он сам едет.

– Как это сам?

– А вот так, на пару.

– Как это на пару? – недоверчиво воскликнула Уля и посмотрела на печь, где варилось мясо. – Врёшь, отнако! Как можно на пару ехать? Так мощно только вари. Получайся, что ты в тайга из своего Петерпурка на пару ехай?!

– Выходит, что так...

Не дослушав его, Уля звонко рассмеялась. Сергей не удерживал её от смеха. Он прекрасно понимал, что это милое дитя тайги, ни разу не видевшее железных машин, не только не может представить себе какое-то движение без живой силы, но и вообще не верит в её существование. В настоящий момент что-то объяснить Уле было невозможно. Ей можно только показать. И тогда она поймёт, что в этой жизни кроме мира тайги с озёрами, горами, болотами, наконец, этой глухой заимки – прииска есть ещё другой, разнопёстрый мир. И пусть он пропитан порочностью, корыстью, алчностью, но он существует и, как бы этого ни хотелось,

постепенно протягивает свои коварные путы в такие вот девственные уголки земли, охватывает сетями мизгиря непорочные души людей и топит их в хмельном дурмане.

А Улю не остановить. Она хохочет, смеётся от души, возможно, вот так впервые в своей жизни. Её детские, наивные восторги передались Сергею. Он стал тоже смеяться вместе с ней. И непонятно, почему возникла эта неукротимая волна расслабления. Может, наступила минута слияния двух душ или сердца нашли один-единственный, нужный, необходимый импульс. А может, просто взволнованные души пробуют прочность связующей нити на зарождающиеся чувства.

– А хочешь, мы с тобой поедem на этом самом паровозе? – вдруг спросил он.

Она мгновенно умолкла, посмотрела испуганным взглядом. Предложение Сергея произвело шокирующее действие. Казалось, что на какой-то момент девушка лишилась дара речи. Но замешательство длилось совсем недолго. Собравшись с силами, Уля взяла в руки шитьё, опустила голову и серьезно ответила:

– Мне незя, отец путет рукаться.

– Ой ли, отец. Когда ты его видела в последний раз? За что он будет ругаться?

– За то, что пез него поету корот.

– А мы вместе с тобой спросим и поедem с ним.

– Нет. Незя тебе у него проси. Потому что тебе незя на заимке живи. Вот поправишься и поедешь... Отин.

– Почему же у вас с гостями так строго поступают?

– Не знаю... Так кавари отец Дмитрий. Так кавари Агафон.

– Так что же это получается, что ты должна просидеть в тайге безвылазно всю свою жизнь? – он даже приподнялся на локтях от возмущения.

– Почему всю? Нет, в этом году обещал, что поедem...

– Через кого обещал? Ты что, его сама видела?

– Нет. Агафон в горот ходи, он кавари...

– Говорил!.. – негодованию Сергея не было предела. – И в прошлом году говорил, да?

– Та... – тихо подтвердила она, едва сдерживая накатившиеся слёзы.

– Неужели ты не понимаешь, что это просто всё обман? Как ты не видишь, что все вы здесь живёте в полной зависимости, на положении рабов?

– Пашто так каваришь? – возмутилась Уля, вскочила с чурки, замахала руками. – Это неправта! Отец кароший люча! Какие могут быть рапы? Он об нас запотится, всегта помнит, таёт разные потарки, протукты, отежту, ружья, капканы, ножи...

– Ну да, – перебил он девушку, – конечно! А вы ему пушнину добываете, рыбу, мясо. Мать твоя шкуры выделявает, Загбой маралов долбит, панты варит. А ты... Ты ему дочь, и даже не можешь в городе побывать. А впрочем... – тут же смягчился Сергей. – О чём это я говорю? Ты все равно сейчас не поймёшь...

Оба разом умолкли. Он уставился куда-то в потолок, она обиженно надула губки и уткнулась в шкуры.

«Ну вот, три часа знакомы, и уже поссорились», – с тоской подумал он, но решил переждать, чтобы Уля оттаяла.

Прошло немало времени, прежде чем она успокоилась, а руки стали вышивать точный шов. Это послужило толчком для возвращения разговора. Глубоко вздохнув, он улыбнулся, и как можно спокойнее заговорил:

– А ты, ты сама хочешь побывать в городе?

– Та, – выдержав паузу, тихо ответила Уля.

– Ну, тогда считай, что твое желание уже наполовину выполнено.

– Как? Посему? – резко повернувшись в его сторону, засверкала глазами девушка.

– Да потому, что это обещаю тебе я, а не твой отец, – улыбнулся он.

Уля воодушевлённо вздохнула, ответила улыбкой. Стягивая прочный шов, проворные руки замелькали быстрее.

Следы давно минувших дней

Загбой снял с тагана кипящий чайник, поставил его на дрова, с кряхтением присел на меховой спальник. Недолго порывшись в потке, вытащил осиновую кубышку с заваркой, отсыпал чёрных гранул на ладонь, довольно хмыкнул, бросил заварку в кипяток. Затем, сняв шапку, накрыл чайник сверху – чтобы лучше заварился душистый чай – и, отвалившись к стволу промёрзшей ели, стал слушать тайгу.

Всегда, когда разводил гилиун (костёр вне жилья, под открытым небом), то утром вставал рано, с первой палевой синевой, когда заполошные дыргивки (дрозды) в первую очередь предвещали утро. А сейчас на смену им уже подали голоса синички. Вон и Чабой высунул свой нос из-под хвоста, смотрит на хозяина, ждёт, когда тот пойдёт собирать оленей. У пихт ветки посинели, светает, а русские всё спят и спят, как барсуки. Пригрелись в своих спальниках рядом с жаркой нодьей. Не пора ли будить? Зимний день и так короток, едва успеваешь проходить по одному перевалу.

Он приподнял голову, затаил дыхание, прислушался. Молчат горы, ничего не говорят, значит, перемены погоды не будет. После этого охотник посмотрел на костёр, задержал взгляд на ровных языках пламени. Сухие кедровые дрова горят чисто, жарко, не колеблясь. Жди мороза. Где-то в распадке, вырвавшись из-под снега, резко порхнул, затрещал крыльями рябчик. Хорошо слышно, воздух чуткий, морозный. Слышно, как сел на дерево, немного осмотрелся, звонко, быстро засвистел.

«К хорошему дню, – про себя отметил охотник. – Опять ночь ночевать под елью, крутиться пойманным волком от холода. Может, вечером пораньше остановиться, поставить чум? Или оставить потки здесь, а самому налегке сходить к Кучуму? Здесь недалеко, может, днём какие-то следы попадутся...»

Потянулся к чайнику, снял шапку, вдохнул аромат напитка:

– Эко! Хорош чай Индии. Не зря лючи гостят (угощают), душа поёт, а сердце быстро кровь по жилам гоняет.

Загбой налил в берестяную кружку кипяток, осторожно хлебнул, с шумом зацокал языком. На его удовлетворительные причмокивания зашевелился олений спальник, из-под мехового куржака выглянуло заспанное лицо Залихватова. Начальник экспедиции недолго pokrutil головой по сторонам, широко зевнул открытым ртом и посмотрел на эвенка:

– Ты что, Загбой, не спишь? Ночь на дворе, а ты звёзды караулишь!

– Эко! Какой ночь? Дыргивки кричат, ряпчик свисти, звёзты меркнут, а ты спишь, как лушь! Некарашо, отнако, так говори. Кароший охотник толжен пыть в пути, а вы кости парите. Вставай нато, хоти нато, Кучум ждёт!

Николай Иванович посмотрел вокруг ещё раз, протер глаза кулаком, наконец-то проснулся полностью. Выскочив из спальника, резво заплясал около костра, хватил ладонями снег, разом бросил его на лицо. После короткой утренней процедуры довольно закричал, протянул руки к костру. Загбой подал ему кружку с чаем, тот, не замедлив поблагодарить, с удовольствием отхлебнул и, довольный, гаркнул зычным голосом:

– Мужики, подъём! Солнце треплет вершины гольцов! Пора в путь!

Вокруг разом всё зашевелилось, там и тут заволновались заиндеветавшие кочки, люди выбирались на холод, сразу же бросались к костру, разогреваясь, подпрыгивали на месте.

Пока Залихватов давал подчинённым короткие распоряжения, Загбой успел докурить утреннюю трубочку, окликнул Асылзака. Вместе они встали на лыжи, пошли ловить оленей. Когда они скрылись между деревьев, Мухой, стараясь подчеркнуть своё старшинство среди русских, подал голос, стал распоряжаться, кому и что необходимо делать в настоящий момент. Николай Иванович с усмешкой переглянулся со своими спутниками. Молодые парни, Костя

и Миша, понимая значимость момента, не замедлили подшутить над новоявленным командиром. Тайно переглянувшись, они сделали вполне серьёзные лица и друг за другом спросили:

– Мухой! Трусы одевать? – спросил Костя.

– А соль в кашу сыпать? – подтрунил Миша.

Хакас, не зная значения слова «трусы», какое-то время серьёзно обдумывал вопрос, но, так и не додумавшись, стараясь не упасть лицом в грязь, пояснил, что сегодня трусы одевать не надо, потому что погода хорошая будет. А вот солить кашу надо обязательно. И, увидев, что его все слушаются, довольный сел на свой спальник и стал забивать трубку табаком.

Через час небольшая поисковая экспедиция из шести человек уже заканчивала завтрак. Загбой начисто вылизал из своей чашки все гречневые крупинки и, допивая вторую кружку чая, аппетитно хрустел сладкими сухарями. Асылзак с интересом поглядывал в общий котёл, надеясь на ещё одну порцию добавки. Очень уж ему понравилась гречневая каша с олениной, сдобренная сливочным маслом, да и проворная молодость требовала высококалорийной пищи. Мухой важничал, стараясь казаться проницательным, следил, чтобы каши хватило всем и поровну, но не замечал за собой, что уже подчищает третью миску с едой. Костя на правах дежурного по кухне зачерпнул из казана добрую порцию каши, бухнул её в чашку Асылзаку. Мухой недовольно посмотрел на сына, глухо буркнул себе под нос:

– Не нато сильно кормить парня, на лыжах плохо хоти путет.

Загбой защитил своего помощника:

– Пусть кусает. – И многозначительно добавил: – Зивот знает, для чего нужны ноги. Голотного оленя ведут позади каравана.

Мухой потупил глаза, русские с уважением посмотрели на эвенка. Залихватов доел свою порцию, взялся за чай и, пользуясь минутной паузой, обратился к проводнику:

– Ну что, Загбой Иванович, сегодня как пойдём?

Охотник немного помолчал, закурил трубку, ответил:

– Отнако нато ходи на запад. Там перевал путет. Под перевалом – чина. Там искать второй след путем.

– Какой такой второй след? – переглянулись русские. – А что, был первый?

– Был, отнако. Утром с Асылзаком хотели оленей ловить, у ручья вител ель потгоревшую, снизу ветки почернели, как от костра. Потгоревшее дерево одно, – показал один палец. – Значит, людей мало спи. Хотел ещё слет искать, но снега много. Мало-мало копал, вот что нашёл.

Загбой полез в карман, вытащил небольшую, рваную тряпочку. Бережно положив на ладонь, следопыт поочерёдно поднёс к лицам русских свою находку и значимо покачал головой:

– Тряпочка лежи у костра. Такой тряпка могла пить только у лючи.

– Почему? – воскликнул Залихватов.

– Смотри, витишь, на ней нарисованы цветы, ягода, трава.

– Да, может быть, это обрывок носового платочка или от кисета... – загадочно произнёс Костя. – Ну и что из этого? Такие платки могут быть у кого угодно.

– Эко! Отнако не латно каваришь. Кисетмышь кушай не будет, тапак пахнет. Тут мышка кушай, может пить, сало пыло, крупа.

– Мешочек под продукты? – воскликнул Миша.

Загбой согласно покачал головой:

– Карашо кавари, правильно.

– Но почему именно русские могли такой мешочек забыть?

– Эко глупый, как тугутка, кто позовёт, туда и пежит. Где ты видел, чтобы моя Ихтыма рисовала цветы? Хындырга рисует лося, Уля амикана, Ченка оленя. Наша зенщина рисует и шьёт охоту, как мы зверя тапывай. Эти цветы рисуй и шила русский зенщина. Только русский зенщина рисуй цветы. Какой зенщина в тайге живёт, охотой промышляет, цветы не рисуй.

Все напряженно молчали. Так просто объяснить мог бы только наблюдательный Загбой. А тот спокойно продолжал:

– Вот еще смотри, – вытащил из другого кармана окурки. – Витишь, люча кури.

Залихватов, уже не задавая вопросов, молча приоткрыл рот. Костя и Миша с интересом привстали на ноги.

– Почему так? – Загбой приподнял свою трубку. – Смотри, я курю трупка. Мухой кури трупка. Асылзак путет кури, путет носи трупка. Пашто так? Да так, что в тайга пумага нет. Только люча носит с сопой пумага и крутит табак. Понятно?

Все согласно закачали головами, куда уж проще! Всё разжевал и в рот положил! Но Загбой не останавливается. Спокойно, без лишних эмоций, как будто жуёт черемшу, пошевелил губами и дополнил:

– Ещё там трова были. Пилой пили.

Тут уж Залихватов догадался сам:

– Да, это точно. Хакасы, буряты и эвенки с собой пилу не носят. С пилой могли ехать только русские.

– Ладно кавари, правильно. Вот и я кавари, что там, у ручья, ночуй люча. А ваши или нет – не знай.

– А как узнать? И наша ли экспедиция, костёр-то всего один. У одного костра могут переночевать два, три, четыре человека. Но не двадцать пять... Допустим, если это наши, всего несколько человек, то где остальные? И почему они оказались с этой, с восточной стороны гольца, когда партия шла с запада?

– Эко! На снегу писано, отнако, смотреть путем, куда хоти, откута шли. Может, ещё что узнаем, – обнадёживающе сказал Загбой.

– Но как увидеть?! Кругом снег, зима, декабрь. Раньше надо было, хотя бы на пару месяцев назад... – с тоской покачал головой Залихватов. – И куда теперь идти?

Все посмотрели на Загбоя. В этот момент он был единственной надеждой, следопытом, кто мог хоть немного видеть под снегом и прочитать то, что было недоступно простому глазу. Перед тем как выдать единственно правильное решение, понимая, что вся ответственность за исход поисковой экспедиции легла на его плечи, задумался. Но ненадолго, потому что мысли в его голове в этот момент подсказывали только один вариант дальнейших поисков:

– Отнако все тароги ветут к Кучуму, – он махнул рукой в сторону невидимого гольца. – Ходи тута нато. Если люча хоти оттута, то хоти через перевал. А если тута, потнимайся рятот с ним. Так только могут телай люча. Кыргызы там не хоти, моя знай. Кыргыз хоти за Часки. Тарога отна, нато хоти на Кучум, там слеты ищи, – пояснил Загбой и посмотрел на Залихватова. – Правильно ли я говорю?

– Что же ты меня спрашиваешь? Ты нас ведёшь, тебе и карты в руки! Надо так идти, значит, мы пойдём за тобой, – ответил Николай Иванович.

– Тогда сити не нато, тень короткий, хоти нато, – вскочил Загбой на ноги и пошёл увязывать на оленя вещи.

Вторую неделю по тайге идёт поисковый караван. С тех пор как люди покинули долину Хабазлака, прошло одиннадцать морозных, невероятно долгих ночей. К подобным переходам Загбой привычен, для него ночёвка под открытым небом (гилиун) равносильна тёплой постели в русской избе. Закалённое тело охотника не знает неудобств. В его меховом, оленьем спальнике всегда сухо, тепло, уютно. Жаркая нодья согревает спину. Огонь ласкает следопыту спину и ноги. А если спина и ноги тёплые, значит, у человека отдыхает весь организм. Стоит Загбою укутаться в спальник, как через минуту его сознание погружено в сон. А утренний рассвет будит его разум бодрым и здоровым.

В подобном состоянии пребывают Мухой и Асылзак. Привычные к трудностям и лишениям отец и сын не страдают бессонницей, чувствуют себя превосходно, так, как будто ночь, проведённая в меховых спальниках, прошла в тёплой юрте.

А вот русские – начальник экспедиции Залихватов Николай Иванович и его помощники Костя и Миша – выглядят неважно. Для них переход оказался тяжёлым, лица почернели, обветрились, глаза потускнели, впали, носы и скулы заострились. Если первые дни аргиша давались легко, с настроением, то последующие выходы давались всё труднее. Не каждый может выдержать бесконечную гонку с утра до вечера, с последующей морозной ночью, когда от холода стонет душа, а мускулы тела периодически стягивает судорога. А утром снова в дорогу...

Когда выходили из долины Хабазлака, шли наравне: Николай Иванович, Костя и Миша с Асылзаком и Загбоем поочередно топтали лыжню. В последние дни впереди шли только Загбой и Асылзак, русские медленно брели по натоптанной дороге сзади, на некотором отдалении. Эвенк понимал, что в этой безудержной гонке за неизвестностью нужен продолжительный отдых, в тепле, с хорошей едой, под сводами чума. И что стоит только сказать слово, и в тот же вечер раскинется конусообразный шатёр из шкур. Сложенный чум едет на спине Чигирбека, а мороженое мясо и печень добытого позавчера сохатого забиты в потках Уйкана. Но время и возможная перемена погоды, метель гонят эвенка вперёд, отчего страдают не только люди, но и измученные выючные животные.

А Кучум всё ближе и ближе. Угрюмый, холодный, величавый и могучий. Такой же, как и одноимённый хан, в честь которого был назван этот огромный, остропикий, трёхглавый голец. Кажется, что своими размерами он занимает половину Восточно-Саянской тайги, с востока на запад протянулся на десятки километров, а высотой превосходит все близстоящие белки практически в два раза. С севера к нему подходит Коштымское белогорье. С юга из-за острых, гребнистых отрогов виднеется более низкий, туполобый Часки. По сравнению с господствующим гольцом он более низок, приземист, сбит. Если приглядеться со стороны, издали, с расстояния нескольких десятков километров долго, внимательно, действительно можно представить, что на приземистом троне восседает всемогущий господин, а рядом в низком поклоне согнулась девушка.

Кучум показался во всей своей красе, как только экспедиция вылезла на Кунгурский перевал. И сразу же голец потянул к себе. Пошли, погнали оленей люди, стараясь достичь и покорить грациозную вершину как можно скорее. Всех шестерых охватило влекущее чувство высоты, которое зовёт к себе тех, кто хоть единожды, своими ногами покорил пусть даже небольшую вершину. Все шестеро болели горной болезнью, все были заражены вирусом покорения высоты, каждый из них знал чувство полёта, охватывающее душу при восхождении. При приближении к гольцу это чувство становилось сильнее.

Шух-шух – шуршат лыжи. Это Загбой идёт вслед за Асылзаком. Топ-топ – топотят ноги по лыжне. Это уставшие олени несут на себе тяжёлый груз. Хух-хух – слышится тяжёлое дыхание. Это русские, подгоняя друг друга, спешат за караваном.

Впереди идёт Асылзак. Выносливый, крепкий юноша вот уже несколько часов подряд широкими камусными лыжами топчет дорогу. В свои восемнадцать лет он исходил немало тайги, большую часть вместе с Загбоем, может идти без остановок с утра до вечера, не считаясь с усталостью. Как и все кыргызы, Асылзак невысок ростом, но всё равно на несколько сантиметров выше своего учителя и наставника, крижист, ловок и резок в действиях. Может быть, единственный недостаток – ему не хватает терпения, что необходимо хорошему охотнику в тайге.

Так думает Загбой, потому что в его жилах бежит горячая кровь вольного охотника сибирской тайги. «Однако всё со временем проходит, и количество убежавшей и улетевшей из-под носа добычи охладит пыл нетерпеливого юноши. И тогда всё встанет на свои места», – с усмешкой поглядывая на Асылзака, думает Загбой, вспоминая себя в этом возрасте. Главное,

что сознание парня заполнено уважением, сердце шагает в ногу с честью, а в душе горит огонь справедливости.

Загбой знает, что Асылзак неравнодушен к его внучке, Уле. Может быть, поэтому, желая встречи с девушкой, юноша охотно выполняет все просьбы эвенка, слушается во всём и, уважая его возраст, с самого утра топчет снег впереди маленького каравана.

Загбой идёт вторым по проторенной лыжне. В его обязанности входит контроль за передвижением. Он показывает Асылзаку направление, следит за оленями, грузом и общим настроением в аргише. Увидев, что идущие позади люди отстают на приличное расстояние, даёт команду на короткий привал, а почувствовав восстановление сил, поднимает идущих в дорогу.

За Загбоем в поводу идут семь завьюченных грузом оленей. В передовиках, как всегда, Чигирбек, за ним Уйкан, ещё два быка-орона из небольшого стада Мухоя, а за ними три проворные, молодые, трёхгодовалые оленухи. На их спинах всё, начиная от сложенного чума до иголки, так что люди идут налегке, без котомок. Это значительно облегчает передвижение путников.

За оленями семенит Мухой. Внимательный кыргыз сам вызвался смотреть за притороченной к спинам оленей поклажей. Это даёт ему полное право идти сзади, по хорошо набитой лыжами и оленьими ногами дороге. Как кажется самому Мухоя, он делает большое дело, внимательно следит за грузом, потирапливает русских и даже показывает дорогу. Однако Загбой видит, что его друг просто старается избежать идти передом, топтать лыжню. И на это у него всегда есть причины: то он вдруг не ко времени подвернул ногу, то у его лыжи порвалась юкса или заболела спина. Охотник понимает, что старый друг просто ленится, но сказать слово в упрек не может, потому что Мухой старше Загбоя на десять лет, ему шестьдесят. А годы надо уважать. Так говорит закон тайги. Да и зачем Загбою что-то говорить, когда у Мухоя есть отличная замена, сын Асылзак, который безропотно выполняет любое слово отца и заменяет его, когда этого требуют обстоятельства?

Русские идут позади всех, налегке, по пробитой лыжне. Только у Николая Ивановича за спиной переброшен штуцер. Но дорогое ружьё давит на плечи начальника экспедиции двумя пудами усталости. А приторочить его к спине оленя у Залихватова не хватает совести – настоящий мужчина должен быть всегда при оружии. Может быть, поэтому с каждым часом его шаги становятся всё короче.

В этот день аргиш двигается ещё тише. Асылзак останавливается через каждые две-три метров. При кратковременной остановке олени ложатся и не хотят идти дальше. Русские вообще идут где-то далеко позади. Мухой тяжело стонет: не пора ли ставить чум? Но Загбой непреклонен. Охотник настойчиво идёт вперёд, надо обязательно добраться под перевал, где стоит хорошо знакомая чина, и только там зажигать костёр. А зачем так надо? У следопыта на это две причины. Первая: эвенку хочется дойти до основного стана, где на ночлег останавливаются все охотники этого района. Вторая – более весомая, там он надеется найти следы пропавших людей.

До остановки остаётся немного, вон там, за невысокой гривкой начинается широкий распадок. По нему бежит говорливый, незамерзающий ручей, который берёт своё начало вверху, под Кучумом. Там Загбой ещё не был никогда. Застывший облик грозного Эскери предупреждает: ходить под голец нельзя, там смертельная опасность. И Загбой не ходит, понимает, что зря рубить кедровую чину люди не будут. Он знал, что где-то там погибло много охотников, может быть, в их числе и первый муж Ихтымы, Батыр. Однако любопытный характер не даёт покоя. Четыре года назад Загбой поднимался на невысокий голец, что стоял чуть севернее Часки. Он видел Кучум со стороны, но рассмотреть, что там, так и не смог. Перевал, разделяющий Кучум и Часки, был ещё выше и не давал каких-то объяснений. Единственное, в чем убедился: два гольца разделяет широкое, глубокое плато, на котором, возможно, находится

большое озеро. Так бывает почти всюду, потому что древние горы Восточного Саяна поднялись в результате вулканического действия, и многочисленные кратеры заполнены водой.

С самого утра от последней стоянки Загбой более внимательно осматривает местность, стараясь увидеть хоть что-то, что бы могло заинтересовать его опытный глаз. Специально направляет Асылзак по удобным прилавкам, по извилистой долинке замёрзшей реки, вдоль круто спускающегося отрога. Объяснение такому передвижению простое: охотник ищет следы людей, кто когда-то провёл ночь у ручья. А «режущее» движение выбрано потому, что Загбой надеется пересечь ход русских, если они шли в направлении чины или обратно. Он тщательно осматривает подозрительные места, подходит к деревьям, у которых недавно сорвана кора, внимательно анализирует направление сломанных веток. Но всё напрасно: сухие деревья повалены ветром и временем, кора содрана когтями медведя и рогами марала, а заломленные ветки оборвала кухта. Слишком много дней прошло с тех пор, когда в этих краях ходили люди. Снежный, двухметровый покров скрыл все следы. Загбою остаётся только лишь одна надежда: может быть, что-то проявится на стоянке у чины.

К знаменитому кедру вышли неожиданно. За гривкой караван спустился в распадок, по снежным надувам люди и олени перешли через открытый ключ и за вековым кедром оказались на просторной поляне, на краю которой запорошилась зимним покрывалом небольшая охотничья изба. Вокруг зимовья – чистая перенова, следы мелких пушных зверей, да чуть в стороне, у кромки пихтача, прокопывал бродяга сокжой.

Не доходя до жилища, Загбой приостановил караван и, прежде всего, прочитал зимнюю книгу. Под разлапистый кедр натоптана тропа: любопытный аскыр каждый день приходит на помойку. Может быть, интересуется старыми костями зверей или ловит на потаржнине мышей. Туда же тянется одиночный след горностая. Вон там, на перемежье, до последнего снегопада в зимовье была россомаха, зашла в открытые двери, перевернула пустую посуду, побывала на помойке и, не найдя там чего-то существенного, опять ушла в гору, на Кучум.

Никаких следов присутствия человека. Загбой осмотрел всё внимательно, со свойственной ему дотошностью, но, к большому сожалению, признал, что тех людей, кто оставил следы у ручья, здесь не было. Можно только предполагать, что русские спустились с гольца или, наоборот, поднялись на него после ночлега, прошли это место стороной. Но в то же время, к своей радости, он обнаружил метки своего друга Калтана, который заходил сюда, в эту избу во время позднего листопада. Именной знак охотника – стрела, пробившая небольшой треугольник, вертикальный ромб с двумя отростками в верхнем углу, и жёлтый лист берёзы, приколотый острым сучком над входом в избу, рассказали Загбою о том, что золотой осенью, где-то неподалёку, Калтан добыл сохатого, но здесь стоял недолго, проходил мимо, к месту промысла, ночевал только один лишь раз.

Новость была кстати. Проходя в этих местах, кыргыз мог что-то знать или даже встретиться с пропавшей экспедицией. Но где сейчас, в это время, искать Калтана с семьёй? Тропа охотника – что переменчивый ветер: сегодня дует в одну сторону, а завтра в противоположную. Остаётся только надеяться на то, что кыргыз придёт на покругу к Агафону, но только когда, и придёт ли?

С молчаливого согласия Загбоя аргиш остановился на отдых. Теперь уже никого не надо было ждать и подгонять, все знали свои обязанности без лишних слов. Выбрав на дрова сухое дерево, Асылзак уже стучал топором в недалёком кедроме. Мухой освобождал олени спины от груза. Загбой подвязывал к ногам вьючных животных чанхай и отпускал их на свободу. Над крышей зимовья за клубился дымок: Николай Иванович затопил каменную печь. Костя нёс от ручья казан с водой. Миша рубил мясо.

Через час таёжная поляна преобразилась. Морозный воздух наполнился ароматом свежесваренного чая, варёного мяса, испечённых лепёшек. В переплетения промёрзших веток вкрадывался едкий дым двух огней, неподалёку от избушки вырос лохматый чум. Несмотря

на большие размеры зимовья, Загбой наотрез отказался жить в деревянной клетке, предпочитая спёртому воздуху обычные условия родного жилища. Его примеру последовали Мухой и Асылзак. Отец с сыном уже перенесли свои спальники и вещи под сохатинные шкуры. Русские поселились на нарах охотничьего зимовья.

Обедали все вместе, у костра, под открытым небом. Ели варёную, а затем обжаренную сохатину, пышные лепёшки, что испёк дежурный по кухне Костя, запивая еду купеческим чаем из далёкой Индии.

После сытной трапезы отвалились, принимая благодатное тепло костра. Какое-то время молчали, переосмысливая пройденный путь. Каждый думал о единственно верном решении: как дальше действовать. В то же время с интересом ждали, что скажут старшие. А старших в настоящий момент было двое. Первый из них – Загбой, проводник и мудрый следопыт. Второй – Николай Иванович Залихватов, начальник поисковой экспедиции. Оба авторитеты в области своего дела. И что теперь делать маленькому каравану, зависело только от них. А от кого именно, предстояло выяснить в эти минуты.

– И что теперь? – не вытерпел Миша.

– Что?! – освободившись от гнетущих мыслей, вздрогнул Залихватов.

– Ну, куда идти-то, что делать?

– Пойдём к гольцу. Экспедиция была там, следы надо искать наверху, – он махнул головой в сторону Кучума. – Это единственный путь...

– Хоти, отнако, незя, – потемнел лицом Загбой. – Там, чина, Эскери живи. Люти пропа-тай. На голец никто не хоти, там – смерть.

– Вот именно. Поэтому я и должен выяснить, почему там пропадают люди. Это не для того, чтобы мне написать отчёт. Двадцать пять человек... Пропали без вести, это не шутка... Это не иголка в стоге сена.

– Но Амака, Эскери, Харги!.. – попытался было возразить Загбой. – Хоти нельзя...

– А ты не ходи, я сам пойду, – сурово посмотрел на эвенка Залихватов. – Здесь недалеко, обойдусь без проводника.

– Эко! Как то, без провотника? – обиделся следопыт. – Хоти на Кучум просил Закбой. Закбой казал тарогу, привёл пот голец. А теперь Закбой не нато?

– Почему не надо? – Николай Иванович мягко положил на плечо охотника руку. – Ты сам не хочешь.

Залихватов хитро посмотрел на своих спутников, едва улыбнулся уголками губ. Он знал, что задел больное место следопыта, отклонил его поход в те места, где он ещё ни разу не был. Для Загбоя это равносильно позору на баляге⁶. Затрагивается честь охотника: и отказаться от похода на голец – всё равно, что отступить перед медведем.

Загбой молча склонил голову, затянулся трубочкой. Погрузившись в собственные мысли, он не обращал внимания на то, как Костя и Миша убрали посуду, как Асылзак уложил вещи на маленький лабазок, как Мухой ушел спать в чум, а русские, заблаговременно с вечера укладывая небольшие котомки, собирались в дорогу. Загбой горел страстным желанием побывать на гольце и сейчас думал о том, как сделать, чтобы сходить на Кучум и не прогневить духов. В своих намерениях он спрашивал огонь, кидал в костёр небольшие кусочки жира, смотрел, как вспыхивает пламя, и о чём-то беззвучно спрашивал, одними губами произносил только одному ему известные молитвы. И решение пришло. Может, не так быстро, как он этого хотел, но оно было, как всегда мудрым. Как это показалось Загбою, разрешающий ответ, как всегда, дал его друг огонь. В благодарность за это следопыт бросил в костёр большой кусок медвежьего сала, с улыбкой проследил, как костёр пожирает лакомую добычу, и только после этого посмотрел на Залихватова:

⁶ Баляга – родовой совет (эвенк.).

– Утром, отнако, путем хоти на голец, – только и сказал, вскочил на ноги и скрылся под пологом своего чума.

Николай Иванович даже не успел что-то сказать в ответ, так был поражён его решением. Впрочем, другого он и не ожидал, потому что верил, что охотник всё равно найдёт повод сходить в незнакомые места. Единственной загадкой на этот вечер для него оставалось, что за повод придумал мудрый следопыт. Привычный не торопить судьбу и время, Залихватов сухо улыбнулся своим подчинённым, во всём полагаясь на доброе утро завтрашнего дня.

Голубой рассвет встретил их в дороге. К этому времени, петляя по оленьим следам, они прошли около километра, при этом потратив десять минут возле чины, у которой Загбой выпрашивал благодарения у всемогущих духов. Залихватов и Асылзак издали молча следили, как знаменитый следопыт, отдавая дань почести вырубленному в сломленном кедре идолу, что-то негромко говорит, задабривая себе дорогу, мажет искривлённые в дикой усмешке губы Эскери жиром, осторожно укладывает в прогоревшее дупло шкурку соболя и повязывает сухой сучок красной ленточкой. По тому, как быстро Загбой махнул спутникам рукой, Николай Иванович понял, что Эскери разрешил людям подняться на перевал, но только на один день, до вечера.

Несколько позже, когда чина скрылась за их спинами, Николай Иванович не вытерпел, поинтересовался, что такое мог сказать Загбой своему святому. Следопыт посмотрел назад – далеко ли до лика, не слышит ли он его слова – и объяснил:

– Просил у Эскери хоти на голец, – в глазах Загбоя сверкнула искорка хитрости. – Каварил, что олени пошли на выгува, лавикту кушай. Каварил, что сами хоти не могут, нато гнать назат. За это тавал повелителю гор сополя, кормил кусным широм, тарил красную ленточку. Эскери остался товолен, разрешил хоти на гору, только на отин тень. Сказал, что ночью бутет метель, нато торопись.

Залихватов недоверчиво смотрит то на Загбоя, то на Асылзака. Молодой кыргыз поглядывает в лицо своего учителя испуганно, верит всем его словам. Он тоже дитя тайги, и его душа полна страха перед необъяснимыми явлениями природы. Ну а Загбой искренне верит в своих духов, как будто они ежедневно играют с ним в карты или ходят на охоту. Он-то прекрасно знает, что окружающий мир создал Амака, и жизнь эвенков зависит от доброго отношения и почитания многочисленных духов.

– Я просил Амаку нас защищать. Пог путет помогай нам, но только так, если мы путем его слушай, – дополнил Загбой.

– И как это, его слушать? – удивился Залихватов. – У него что, есть голос?

– Эко! Сколько лет шиви и не знаешь, как кавари с тухами. Когда нато, – следопыт ткнул себя пальцем в висок, – они скажут, кута хоти и что делай.

С этими словами Загбой пошёл вперёд по оленьим набродам, которые и правда ещё с вечера пошли на перевал в поисках ягеля. Во время передвижения животные круто петляли из стороны в сторону, объедая с деревьев горькую бороду, разбивая стога запасливых шатаков (пищуха, сеноставка). Это доставляло людям большие неудобства. Залихватов остановился, окликнул следопыта:

– Загбой! Что петляешь, как лиса? Только время зря теряем. Веди прямо, вдоль ручья.

Охотник нахмурился, грозно посмотрел на него, приложил к губам палец, а потом показал вокруг:

– Тихо, люча. Эскери слышит, всё витит. Не нато кавари духу, что мы итём к нему так. Нато кавари, итём за оленем.

Залихватов нервно покрутил головой, с досадой сплюнул в снег: ну что поделаться с этим эвенком и его предрассудками! Потоптался на месте, круто развернулся и пошёл прямо в гору:

– Ходите, как вам надо, а я пойду так, как короче...

Загбой замахал руками:

– Куда, бое? Не хоти отин, хуто путет!

Но русского не остановить. Чуть приостановился, небрежно бросил:

– Там, наверху встретимся, подожду вас на краю плато.

И пошёл уверенно, ходко. Только снег подрагивает от прочных лыж, да шумное дыхание сотрясает морозный воздух.

Загбой с досадой посмотрел ему вслед, покачал головой:

– Эко, люча. Пашто такой пустой? – приложил руку к голове. – Как старый пень перёзы, кора стоит, а внутри труха.

Однако Николай Иванович уже его не слышал. Загбой и Асылзак посмотрели ему вслед и зашагали по следам своих оленей.

Чем выше в гору, тем она круче. Ядрёный кедрач сменился высокоствольным пихтачом. Тёмные стволы – как грозные часовые на подступах к гольцу, такие же суровые, холодные и могучие. Облепили склон глухой стеной, проходить плохо, а катиться вниз еще хуже, того и гляди, разобьёшься на лыжах. Сторона перевала северная, заветренная. В зимний день солнца не видно. В таких пустых, промозглых местах не держатся ни мышь, ни шадак, ни белка. Не слышно звонких трелей таежных пичуг: без рябины не может жить дрозд, без ельника синица, без кедрача кедровка, всем хочется видеть солнышко. Вот и стоит на северном склоне мёртвый участок тайги: ни следка, ни голоса, как будто мать-природа наложила мёртвую печать на голец. Даже олени, случайно попавшие на этот участок, торопятся быстрее пройти мимо, идут ровно, прямо в гору, стараясь как можно быстрее добраться до открытых мест альпийских лугов.

Загбой в напряжении: скоро, очень скоро он увидит открытое место, где ещё никогда не был. При передвижении не пропускает ни единого следа, что мог бы заинтересовать его пытливый ум. Опавшие хвоинки, сломанные веточки, сбитая кора, редкие следки. Загбой видит всё, ничто не уходит от его острого глаза. И чем выше он поднимается в гору, тем больше и чаще его захватывает удивление. Он замечает, что вопреки правилам глубокий снежный покров покрывает всё больше соболевых следков. Если там, внизу, в долине встречались только редкие стёжки хищников, то здесь, ближе к гольцу, их становилось всё больше и больше. Загбой знал, что в данное время года большая часть зверьков спускается с белков вниз, где меньше снега, легче найти добычу, и, наоборот, весной поднимается в горы. Если бы кто-то сказал ему об этом, он бы вряд ли поверил. Но не верить своим глазам невозможно.

Вначале это были парные, единичные стёжки, идущие снизу вверх, на голец. Потом стали попадаться небольшие тропки. За ними – переплетения чёток во всевозможных направлениях. Кто-то из зверьков гонялся за другим, выгоняя чужака со своей территории. Второй строго ограничивал свой путь в гору. Третий просто прогуливался, разогревая затекшие мышцы во время отдыха. Следы были старые, недельной давности, и совсем свежие, вечерние, ночные и утренние. Загбой понимал, что за хорошую, бесснежную погоду такое количество следов могли оставить три-четыре аскыра. Но охотники поднимались в перевал уже больше двух часов, а следов становилось всё больше и больше.

Пружинистый Чабой пытался тропить парные чётки, ползал по глубокому снегу от дерева к дереву, досадно поскуливал, однако сделать невозможное не мог. Не время эвенкийской лайке гонять полосатого хищника. А вот и следы росوماхи. Маленький медвежонок тоже потянул в гору, как будто там для него были припасены лакомые кусочки. Возможно, так и было, потому что росوماха всегда возвращается к старым костям когда-то добытого ею зверя.

И вот наконец-то выход на плато. Первые признаки – просвет между деревьями, крутая гора становится пологой, а в однообразный пихтач врезаются кряжистые, низкорослые и лохматые подгольцовые кедры.

Сам Кучум возник резко, неожиданно, как грозный хозяин своей вотчины, строго задающий законный вопрос: «Зачем пожаловали?» Он проявился хаосом скалистых нагромождений, снежных надувов, серых пятен выдуваемого ягельника и приземистых, ползучих кедров.

Вот он, рядом, во всём величии, могуществе и красоте. До него какой-то километр или чуть больше. Впрочем, расстояние в горах сокращается в несколько раз. То, что кажется близким – чтобы дотянуться, стоит только протянуть руку – потом всегда убегает вдаль. Лицевая сторона гольца, перед которой стоят Загбой и Асылзак, ограничивается вертикальным, недоступным каньоном, задутым снегом. Его высота шокирует: от подножия до двуглавой вершины около двухсот метров или даже более. Поражает протяжённость в длину. От этого весь Кучум кажется грандиозным. Чтобы увидеть пики, приходится придерживать шапку на голове, иначе она упадёт. Где-то сзади должен быть ещё один пик. Загбой знает это, потому что видел Кучум со стороны. Но его заслоняет высота.

Слева от охотников покоится более низкий Часки. Он также занесён снегом. Со стороны Кучума на плато обрывается пологий каньон. Задняя сторона гольца пологая. Вершина Часки округлая, плоская, как голова медведя, и обращена в сторону своего могучего собрата. Возможно, миллионы лет назад, во времена поднятия земной коры, Кучум и Часки были единым целым, одной огромной горой. Но позже, во время разломов и вулканических извержений, невидимая, могущественная рука разделила, раздвинула каменную плоть, проложив между ними глубокий, длинный каньон. Ещё позже неукротимое время, огонь, вода сгладили каменные складки. Ветры нанесли плодородную почву и превратили разлом в благодатную альпийскую долину.

Вот и сейчас перед глазами Загбоя и Асылзака предстало ровное, с небольшими увалами к центру поле, низкорослые кедровые колки, чередующиеся с альпийскими лугами. Конечно, в более благоприятное для жизни время, весной, летом и даже ранней осенью, пейзаж выглядит более интересно. Но в это суровое время – глубокий снег, чёрные камни, серый ягельник в сочетании с промозглым холодом и постоянными, пронизывающими ветрами – все выглядит более чем уныло, даже угнетающе.

Тут редко увидишь переходный след соболя. Здесь не стоит марал или сохатый. Разреженную тайгу облетает глухарь. И только лишь круторогий бродяга сокжой да стайки белоснежных куропаток в ясные, солнечные дни, под бодрящими лучами будоражат тишину своим недолгим присутствием. И с этим вполне мог бы согласиться Загбой, если бы не картина, представшая перед его глазами.

Всюду, куда бы ни падал взгляд охотника, он видел следы: бесчисленные чётки соболей, маленькие крапинки ласок, горностаев, колонков, отточенные цепочки лисьих пятак, мохнатые цепочки росوماхи и даже вытянутые рюшки волчьей стаи. Всё переплелось в единый, общий клубок горного царства. А почему и для чего на этом плато собрались все хищники тайги, Загбой не мог дать ясного ответа. Чтобы ответить на вопросы, следопыт пошёл вперёд, туда, где в глубокой чаше, под зимним покрывалом раскинулось большое белоснежное поле. Он не сомневался, что это горное озеро, образовавшееся давно на месте когда-то действующего вулкана. Таких под гольцами десятки, сотни, и в этом нет ничего удивительного. Так говорят русские.

Кажется Загбою, что здесь до сего дня живут герои легенды Мухоя: вот он, Кучум. Напротив него склонилась Часки. А между ними, под глубоким, снежным покровом и льдом притаился скованный юноша Хатовей. Всё вокруг молчит, словно угрожает. И как не поверить в легенды предков?

В голове эвенка проскользнула страшная мысль, которую он тут же прогнал прочь. Однако чем ближе они подходили к мёртвому озеру, тем настойчивее она стучалась в голову: «Вспомни, Загбой, как было. Это так, и от этого никуда не деться...» Следопыт поднял голову, посмотрел в небо: «Всё правильно. Так и есть...» Прямо над ними, широко раскинув чёрные, лакированные крылья, выдерживая потоки восходящего воздуха, завис огромный ворон. Как тяжкий крест, как печальный часовой судьбы, смотрел на людей сверху вниз. Вот ворон плавно

дрогнул крыльями, отклонился в сторону, сделал круг, завис над головами охотников вновь. Загбой остановился. За ним встал Асылзак, увидел вещую птицу, сорвал из-за плеча винтовку.

– Ча! Не стреляй, – упредил следопыт и уже тише добавил: – Это слуги Эскери.

Побелело лицо молодого охотника, тонкие губы посинели, глаза округлились, как у тайменя. Закрутил головой в поисках опасности. Однако крепится, старается казаться смелым.

Рядом насторожился Чабой, закурил носом, зашевелил норками, напрягся пружиной капкана, осторожно подался вперёд. По поведению кобеля видно, что почуял зверя, но не соболя, а какого-то более крупного хищника. Стараясь не подшуметь добычу, кобель заюлил скользким налимом между кустов. По плотному, надувному снегу пошёл хорошо, утопая по лодыжку.

«Может, и прихватит зверя скрадом, если “сторож” не выдаст», – подумал Загбой и искося посмотрел на небо.

Но ворон выдал. Одиночно, редко заклекотал неповторимым, неприятным голосом, как будто по мёрзлой пихте ударили обухом топора. Предупреждающий крик разнёсся далеко по округе, раскатился над озером, отразился на отвесных скалах Кучума, вернулся назад. И тотчас впереди, у края озера, из-за большой кедровой колки стали подниматься чёрные блестящие птицы. Спокойно, не спеша, без крика, медленно, вальяжно, как и подобает настоящим хозяевам диких гор. Они не орали заполошным голосом, как это делают простые деревенские вороны при появлении человека. Они просто нехотя уступали место более разумному существу, который вторгся в их владения. Десять, двадцать, тридцать или все сто птиц, слетевшихся на небывалый пир со всей близкой и далёкой округи. Сделав круг почёта, вороны почтительно расселись на некотором расстоянии на вершинах кедров и так же, без лишней суеты, крика, стали с интересом наблюдать, кто бы это мог нарушить их покой в такой неподходящий час.

Но люди не обращали на них никакого внимания. Не поворачивая головы, Загбой упрямо шёл вперёд. Может быть, только Асылзак, с его легковосприимчивой душой, вспоминая слова следопыта, со страхом косился на верных слуг хозяина гор.

И случилось то, чего ожидал увидеть эвенк. Когда они наконец-то вышли из-за кедровой колки, перед ними предстало грязное поле трапезы диких животных: многочисленные дыры под снег, растерзанные внутренности, остатки плоти и кости, валявшиеся повсюду. Всё место обильно загажено птичьим и звериным помётом. Это наводило на мысль, что пир длится не один день.

Много лет назад, в далёком прошлом, на берегах Харюзовой речки Загбой видел своё погибшее племя, когда голодное, одичавшее собачье стадо доедало трупы своих мёртвых хозяев. Берег реки был усыпан человеческими костями, а над тайгой витал смрад от разложившейся плоти. Так же, как и сейчас, в ожидании своей минуты над погибшим стойбищем у холодных чумов на лиственницах сидели квёлые вороны.

Но сейчас картина пира была сокрыта под двухметровым слоем снега. Здесь не было клиновидных чумов, разбросанных вещей, брошенных в беспорядке нарт, лодок, посуды, орудий труда, охоты и прочей хозяйственной утвари.

Для Загбоя представшая картина не казалась шокирующей, как Асылзаку. Он молча посмотрел вокруг, неторопливо достал трубочку, забил её табаком, закурил и присел на корточки. А юноша был охвачен мелкой дрожью. Ему чудилось, что он видит логово самого Эскери. Ещё мгновения – и к ним на поляну выскочит какой-нибудь ужасный зверь и так же, как и этих животных, растерзает его и Загбоя. Асылзак видел потаржнину, понимал, что здесь произошло что-то страшное, но не представлял себе, что здесь кроме животных могут быть трупы людей.

А Загбой уже знал. Он видел, что именно здесь, на берегу этого озера, погибла потерянная экспедиция. Он не сомневался в этом ни на кроху соли. Вопрос был в другом: как и почему погибли люди? Может, их постигла та же участь, что его племя? Какая-то страшная чума, оспа

или горная болезнь захватили экспедицию в этих горах. Или страшный голод, холод, свирепый ураган внезапно ночью обрушились на спящих и в один миг лишили жизни всех, кто находился на этом месте. А может, у охотника похолодела душа, он вспомнил старую кыргызскую легенду – здесь, в этом озере, и правда живёт дракон, охраняет золото Кучума и убивает всё живое, кто только придёт сюда? Ведь живёт же в озёрах Туманихи Большая рыба! Многие её видели, но никто не может дать ей определяющего названия, так как она не похожа ни на одно водное существо. И здесь... Живёт дракон, по ночам выходит из воды и убивает всех, кто осмелится нарушить его покой...

От этого у Загбоя едва не остановилось сердце. А вдруг дракон сейчас выйдет из-под льда и убьёт их? И вот уже в отважном сердце поселился страх. Страхи, как знойные вороны, закружились в голове. И рад бы не верить, но как дать объяснение произошедшему?

Может, был бы один, развернулся, убежал подальше. Но чувство стыда перед юношей останавливает охотника. Нет, он не может бежать. Надо узнать, почему погибли люди. Ещё есть время – Загбой посмотрел на голец, у Кучума закумарились каменная вершинка, будет метель, завтра уже сюда не подняться.

Он выбил трубочку, бережно положил её во внутренний карман и поднялся на ноги. Ещё раз осмотревшись, подошёл к одной из выкопанных в снегу нор и пальмой стал расширять проход к земле. Асылзак понял его намерение, не говоря ни слова, встал рядом, стал ему помогать. В быстром темпе они проработали около двадцати минут. Загбой откалывал снег, а юноша таяком выбрасывал наверх смёрзшиеся куски зимнего покрывала.

Довольно скоро они добились желаемого результата. Наконец-то металлическое жало пальмы ткнулось в податливую мякоть. Ещё несколько усилий – и оголился бурый лохматый бок животного.

– Сохатый? – осторожно спросил Асылзак.

Загбой отрицательно покачал головой, очистил рукой снег с задней ноги и показал на копыто:

– Лошадь.

– Кони?! – удивлению юноши не было предела. – Откуда здесь, в гольцах, кони?

Загбой шумно выдохнул воздух, ещё раз с силой ударил пальмой по боку погибшего животного. Облезлый бок отозвался бубном шамана, внутренности лошади были полностью выедены хищниками и мышами.

– Здесь не только кони. Тут есе лючи... – тихо добавил он и вылез наверх.

Где-то в стороне послышался загадочный шум. Охотники вскинули ружья, приготовились стрелять. Из соседней дыры показалась засаленная морда Чабоя. Кобель уже успел попробовать мяса и теперь тоже пытался выяснить источник переполоха.

Первыми обнаружили себя слуги Эскери – вороны. Недовольные появлением конкурентов, они резко, отрывисто заклокотали и, сложив свои могучие, сильные крылья, пикировали с высоты к самой земле. А в перелесках слышались истошные вопли кедровок, треск ронжи, какое-то хрюканье, кошачий визг, вопли с подвыванием и угрожающий рык. Всё эти звуки приближалось к потаржнине со стороны Часки с некоторой скоростью. Но так как движение ещё оставалось невидимым, это дало охотникам время для того, чтобы спрятаться за стволами приземистых кедров. Асылзак бросился влево и теперь, переводя дух, старался успокоить нервную дрожь в руках. Юноша думал, что к ним приближается не кто иной, как сам хозяин гор Харги или Эскери.

Загбой думал иначе. Опытный следопыт успел привязать Чабоя на поводок, крадучись спрятался с кобелём за стлаником и теперь, сняв с головы шапку, старался различить гвалт приближающихся голосов. Через какое-то время он довольно покачал головой, указал рукой в сторону шума и показал Асылзаку на ружьё: «Взводи курок!»

Юноша покорно вскинул свою малокалиберную винтовку на сучок, проверил пистон и осторожно, без щелчка взвёл ударник. Загбой сильно придавил Чабоя к земле – лежать! Тот послушно затих. А эвенк, закинув за спину засаленные косы, уже направлял шестигранный ствол своего карабина на кедровую колку.

Ещё минута – и на поляну в окружении охристых мячиков выкатился лохматый ком. Вокруг неподалёку замелькали жёлтые, бурые, пёстрые снежинки, плавной лентой поплыли листья рябины, рябые сучки ольхи. Откуда-то из-за вершин кедров со страшной скоростью выныривали и тут же взмывали к небесам вороны.

Загбой пригляделся, рассмотрел в общей куче знакомые лица, скупно улыбнулся себе в бородёнку. Разобрал, что прямо к ним катится росомаха. С двух сторон её атакуют два аскыра. Их запугивают черные вороны. Ну а уж остальная лесная братия – синички, поползни, ронжи, кедровки – просто сопровождают неутомным эскортом своих врагов. Во всём этом хаосе есть закономерность. Увидев росомаху, соболя посчитали её за главного конкурента на потаржинину, которую, без всякого сомнения, они считали своей собственностью. Они начали её атаковать, пугать, гнать прочь. С резкими выпадами, склочным урчанием и всевозможными поскоками коты бросались на маленького медвежонка. Эти нападки очень походили на азартную охоту на медведя с собаками. Однако их агрессивные действия не имели успеха. Росомаха продолжала бежать вперёд, к пище, которой она кормилась уже много дней. Вполне возможно, что такие сцены происходили ежедневно.

Росомаха вяло семенила по поляне, не обращая внимания на соболей. Но так казалось на первый взгляд. Строгий взгляд зверя внимательно следил за движением проворных аскыров. Она только и ждала, чтобы улучшить момент и схватить ненавистных соболишек острыми клыками. Но последние тоже знали о ее намерении и действовали предусмотрительно. Нападая на нее, они придерживались безопасного расстояния, чакали челюстями в нескольких дюймах от лохматой шкуры. Это доставляло ей ряд неудобств, что заставляло нервничать и злиться. При возможности она разорвала бы соболей в одно мгновение. Но аскыры были проворнее, и это решало исход поединка.

В этой суматохе в свою силу вступил один из законов тайги: побеждает самый сильный и ловкий, а слабый и неповоротливый погибает. В один из многочисленных моментов, когда очередной ворон бросился над спинами хищников, навстречу ему выстрелила шоколадная молния.

Может быть, один из воронов был слишком молод и неопытен. Или поток ветра вынудил изменить траекторию полёта. Но только в крохи секунды рассчитав прыжок, соболю прыгнул навстречу пикирующему слуге Эскери. И неважно, кто он, слуга, паж, шах, царь, король или просто обыкновенная птичка. Перед смертью все равны. И ворон тоже.

Острые клыки сомкнулись на шее птицы. Ворон, не ожидая резкого выпада, под тяжестью пружинистого тела, потеряв ориентацию полёта, в предсмертной агонии глухо завалился на плотный снег. Чёрная сажа из выбитых перьев наполнила пространство вокруг кувыркающегося клубка. Ворон ещё бил могучими крыльями, пытался вырваться из когтей беспощадного хищника, но где там! Разве можно освободиться из стального капкана, если его дуги сомкнулись на твоей груди?

Пернатые сородичи опешили. Росомаха растерялась. Однако более быстрый, второй аскыр уже метнулся на помощь собрату. Он схватил трепыхающегося ворона с другой стороны и, стараясь отобрать добычу, потянул на себя. Теперь уже соболя стали не союзниками, а как всегда бывает в зимний период, обычными врагами. Каждый из них пытался предъявить своё право на владение свежим мясом. Оба грозно заурчали, не разжимая зубов, заматались с вороном по поляне. Исход перепалки окончился ничьей. Росомаха подскочила к дерущимся и просто отобрала добычу. Не ожидая подобного нахальства, соболя бросились на нее. Но та живо подскочила к дыре в снегу и тут же исчезла под спасительным покровом. Аскыры метнулись за

ней, но выскочили обратно. Едва не схватив одного из них за штаны, из дыры чакнули челюсти росомахи.

Что тут началось! Взмешённые безвозвратной потерей добычи, соболя бросились друг на друга в драку. Вороны, вымещая скорбь по погибшему собрату, заматались над соболями. Напоминаая азартных болельщиков боксёрского ринга, вразнобой, азартно заголосили мелкие пичуги.

Наконец-то дождавшись момента, на арену настоящих действий выступил Загбой. Вернее, не он, а нетерпеливый Чабой, который только и ждал мгновения, когда хозяин даст положенную команду. И время пришло.

– Мод! – сухо, резко шепнул на ухо кобелю следопыт и выпустил поводок.

Как взметнувшийся очеп, как упавший давок кулёмы, как лязгнувшая пружина капкана, взорвался Чабой и в два прыжка, набрав максимальную скорость, с яростным, азартным лаем бросился в самую кучу драки. Такого оборота дела не ожидал никто из зверей и птиц. Феерической радугой брызнули по кустам птички. Тяжёлыми комьями грязи заматались по сторонам вороны. Несколько замешкавшись и проиграв при этом необходимое для бегства расстояние, к близстоящему кедру бросились соболя. Несколько проворных прыжков, и оба кота уже делили между собой мохнатую макушку низкорослого дерева. От страха вытягивая шеи, они с ужасом смотрели вниз, на грозное чудовище, которое изливало на них свою злобу яростным лаем.

– Беги к кедру, добывай аскыров! – крикнул Загбой Асылзаку, а сам наперевес с ружьём осторожно пошёл к той дыре, куда спряталась росомаха.

За несколько метров от лаза Загбой остановился, затих и стал ждать, когда хищник выглянет наружу. По расчётам охотника, она должна обязательно проявить любопытство, проверить, что происходит наверху. Оставалось только не пропустить момент, когда наступит это мгновение, и надеяться на то, чтобы Асылзак не промахнулся из своей винтовки.

А юноша уже готовился к стрельбе. Теперь его руки не дрожали от страха, как было несколько минут назад, когда ждал появления злого духа. К нему вернулся обычный инстинкт вечного охотника, который видел свою добычу. Острый взгляд, твёрдость рук, уверенные движения, меткий выстрел. Один из аскыров, тот, что сидел чуть ниже другого, обмякшим комом повалился вниз. Чабой напрягся, подскочил вверх, поймал на лету драгоценную добычу зубами, хватко потрепал тушку, убедился, что соболя мёртв. Не отрывая взгляда от второго аскыра, Асылзак торопливо забивал шомполом пулю в ствол винтовки.

Второй соболя занервничал, понял, что его собрат по несчастью лишился жизни. Он гневно заурчал, закрутил головой, выискивая пути отступления, стал спускаться по стволу кедра ниже. Достигнув густого переплетения веток дерева, притих, затаился. Молодой охотник вовремя заметил плотное место, оббежал дерево вокруг и с другой стороны высмотрел спрятавшегося соболя. Ещё один уверенный выстрел, щелчок малопульки, – и Чабой поймал зубами второго аскыра.

Небывалый успех – за короткий промежуток времени добыть сразу двух соболей! Асылзак доволен, негромко смеётся, вскидывая руками шоколадные шкурки. Но Загбой по-своему холоден. Он осторожно приложил руку к губам, а затем показал на дыру: «Тихо, охота ещё не кончилась. Там, под снегом, росомаха...»

Юноша притих, прибрал соболей в котомку, поймал на поводок Чабоя, присел вместе с ним у выдранного выскоря. Наконец-то на потаржнине воцарилась тишина. Разлетелись по подбелочью мелкие пичуги. На почтительном расстоянии молча сидят нахохлившиеся вороны, ждут, когда люди покинут место трапезы. Асылзак держит кобеля, не даёт ему воли. Загбой сторожко посматривает в дыру. Знает, что сейчас на поверхность вылезет росомаха. Иначе и быть не может. И вылезла. Только не в том месте, где её караулили.

Предусмотрительный хищник, пируя на потаржнине не первый день, глубоко в снегу вырыл себе множество нор, соединяющих между собой выходы наверх. Обладая глубоким

чутьём, росомаха сквозь толщу снега улавливала запах добычи, лежавшей где-то рядом. Желая завладеть всей пищей, она выкопала себе проход глубоко вниз. Со временем место трагедии переплелось паутиной подснежных сообщений, очень похожих на муравейник. И этого Загбой не учёл. А она, хитрая бестия, напрягая своё чутьё, вылезла на поверхность не в той дыре, где её поджидала пуля, а за спиной охотника.

Загбой услышал зверя в последний момент, своим острым, отточенным слухом. Уловил тонкий шорох, представил себе, как осторожный хищник скребёт острыми когтями промёрзший снег. Но только не мог понять, где это происходит. И только лишь когда крадущиеся движения стихли, он понял, что росомаха смотрит на него сзади. Это подтвердили округлившиеся глаза Асылзак, который, не мигая, смотрел ему за спину. Об этом говорил стеснённый Чабой, пытавшийся вырваться из цепких объятий юноши на свободу. Всё это Загбой увидел краем глаза, когда, не делая резких движений, поворачивался на сто восемьдесят градусов. Ступни ног, чувствуя каждый сантиметр поверхности снега, бесшумно поворачивали напрягаемое тело. Крепкие руки сдержанно, без рывков поднимали ружьё. Острый глаз выискивал добычу.

Росомаху он увидел в самый последний момент, когда полностью развернулся на ногах. Похожая на медвежонока, она с интересом смотрела на человека, пытаясь понять, кто это и насколько опасен. Резкий дневной свет после подснежных сумерек, необычная, сгорбленная поза охотника, скрытое лицо привели ее к непростительной ошибке. Она задержалась на поверхности дольше обычного, что решило исход поединка в пользу человека.

Грозным зверем гавкнул карабин. Сизое пламя прожгло воздух. Быстрая пуля с тонким свистом ткнулась в живое тело. Голова росомехи тут же исчезла, провалилась обратно в дыру. Глубокое эхо выстрела покатилося через озеро, глухо тукнуло о неприступные скалы Кучума и возвратилось обратно.

От кедровой колки уже бежал Асылзак: попал ли в зверя? Загбой довольно рассматривал густо окрашенный алой кровью снег: «Ладно пуля прошла, через голову. Звереныш умер мгновенно. Теперь остаётся только достать его из дыры наверх. Надо опять копать снег до земли...»

Только подумал, как вдруг в стороне гольца что-то треснуло, как будто лопнул трёхметровый лёд на реке. Затем взорвался невидимый вулкан, а за ним с воем застонал ветер.

Вскинули головы охотники, присели от страха. От выстрела с вершины Кучума оторвался огромный надувной карниз. Плотная масса снега, сравнимая с затором воды и льда на реке, обрушилась сплошным валом и полетела в овальный цирк.

Под ногами охотников задрожала земля. Воздух закачался, наполнился свистом, шумом, воем, как будто к месту трапезы, обгоняя друг друга, по земле и по воздуху спешили тысячи, миллионы хищных зверей и птиц. Однородная снежная масса, сметая всё на своём пути, полетела вниз. Под напором и давлением лавины тоненькими щепочками затрещали вековые деревья. Ударами гальки о песчаный берег лопались гранитные камни. Снежное облако мутной пеленой закрыло половину величавого гольца.

Подавленные, шокированные и восхищённые увиденным Загбой и Асылзак молча стояли на месте, не в силах сделать хоть какое-то движение. В какой-то момент, когда могущество лавины достигло своего апогея, юноша бросился бежать. Он уже сделал несколько больших шагов назад, однако осуждающий взгляд эвенка остановил его, который что-то прокричал, но его слова утонули в грохоте стихии.

А лавина всё ближе. Вот она уже достигла подножия Кучума. Огромный язык «всемогущего хана», слизывая всё и вся на своём пути, потянулся к берегу озера. Но угол разлома, положение подступы цирка и многочисленные каменные грядки быстро укротили необузданный пыл Кучума. Ещё несколько сот метров – и плывущая масса замедлила своё движение. Выющийся язык осел, потерял свою мощь, силу и, в конце концов устав бороться с плотной массой лежащего снега, остановился неподалёку от противоположного берега озера. Снежная пыль, под-

хваченная сбитым потоком воздуха искристым облаком, покатилась дальше, дотекла до берега, преодолела двухсотметровую ширину озера и уже на последнем издыхании легко обдала холодной пылью лица людей.

Всё кончилось. Стихла под ногами дрожь земли. Ужасающий грохот растворился где-то далеко за синими горами. Серебристым инеем осел на покрывало зимы искристый вихрь. О только что бесновавшейся стихии теперь напоминало широкое, длинное поле разрушений и хаоса, говорило людям о том, что силы природы безграничны и неповторимы.

После продолжительного молчания Загбой медленно покачал головой и проговорил загробным голосом:

– Отнако Кучум ругается на нас...

Асылзак изменился в лице, ему стало страшно. Зачем они пришли сюда, к злым духам? Юноша готов бежать отсюда, не разбирая дороги. Но следопыт не потерял чувство самообладания. Он знает, что прежде чем уйти с гольца, ему надо сделать несколько важных дел. Он поднимает руки вперёд и, обращаясь к горе, просит:

– Эко! Великий хан Кучум! Это каварю я, Закбой. Пашто на нас сертишься? Мы не хотим принести тебе зло, в твоих покоях мы ищем своих оленей...

Охотник повёл рукой в сторону, показывая на Часки, куда пошли олени. Асылзак сжался в комок: «Ничего себе, олени! Добыли двух соболей, росомаху под самым носом злого духа, а он говорит о каких-то оленях... Наверное, сейчас Кучум пошлёт на нас суровую кару. Не пора ли бежать?» Молодого охотника останавливало от такого позорного поступка лишь спокойствие учителя, его ровный голос да невозмутимое лицо. А эвенк продолжал:

– Когда мы хоти сюта, я просил у Эскери разрешения. Затабривая духов, я положил в тупло чины шкурку сополя. Пашто великий тух гор посылай нам зло?

Замолчал Загбой, прислушиваясь, что ответит хан Кучум. Но молчит голец, спокойствие и тишина витают над его вершинами. Лишь лёгкая муть застыла над пиками, да над сошедшей лавиной искрятся, переливаясь на солнце, радужные переливы инея. Повернулся охотник назад. Молчат и вороны на макушках кедров. Они не испугались снежной лавины, а остались сидеть на своих местах, наблюдая за людьми. И в этом было что-то зловещее. У Асылзака подкашиваются ноги, но следопыт спокоен.

– Проворный аскыр лови твоего слугу. Храбрый Асылзак отомстил хищному зверю, упил сополя. Закбой стреляй росомаху. Пашто ты посылаешь на нас свои проклятия? – закончил охотник и, раскинув руками, как бы случайно уронил в дыру, где была мёртвая росомаха, свою рукавицу.

Асылзак похолодел, присел на ногах: вот ещё одна неудача, Загбой потерял рукавицу. Юноше и невдомёк, что меховую вещь следопыт бросил специально. Он всё ещё ждёт какой-то невидимой кары, которая упадёт с небес ему на голову. А Загбой вскинул руки к небу, закачал головой, наигранно запричитал:

– Ой, бое! Эко! Что я нателал? Уронил в тыру свою любимую рукавицу! Как мне теперь без неё шиви? Замёрзнут руки, – зябко подергивая плечами, он потёр ладонями, – а без рук охотнику в тайга никак незя, – и уже вполне серьёзно, обращаясь к гольцу. – Великий хан Кучум! Разреши мне тостать мою рукавицу!..

Молчит Кучум. Где-то в стороне спокойно нахохлились вороны. Подобный знак – что согласие Великого Духа на просьбу охотника. Засуетился Загбой, вытащил пальму, стал рубить снег, а сам спокойно лопочет себе под нос:

– Мы пыстро, мы чичас. Только тостанем рукавицу и уйтём, – а сам украдкой шепчет Асылзаку: – Что стоишь, как гнилой пень? Давай, копай. Нато росомаху тоставать...

Понял юноша хитрость учителя, схватил пальму. Рубят плотный снег топорами, выкидывают его взад себя, только комья мелькают. Асылзак сбоку от Загбоя, хочет его заменить, но тот не пускает вперёд, оставляя самую тяжёлую работу для своих рук.

А вот и росомаха. Завалилась мохнатым мешком на дно норы, бесполезно оскалилась, глаза остекленели, а у самого уха рваная рана. Меткая пуля следопыта принесла зверю мгновенную смерть. Потянулся эвенк рукой, схватил за палевую шубу лёгкую добычу, подал в руки Асылзака, шепчет негромко:

– Клади в котомку, завязывай здесь, наверх не показывай.

Понял юноша, согласно кивнул, достал сверху кожаный мешок. Осторожно оглянулся по сторонам – нет ли поблизости злых духов – и быстро спрятал росомаху к соболям. Когда завязал котомку, вопросительно взглянул: ну что теперь, пошли назад? Но тот даже не посмотрел в его сторону, продолжает рубить снег и выкидывать его на Асылзака. Юноша удивился, зачем Загбой копает яму дальше? Росомаха в мешке, что, может, там, внизу ещё какая-то добыча притаилась? Ах да, надо же достать рукавицу. А Загбой молчит, упорно работает, добираясь всё глубже к земле. Парню ничего не остаётся делать, как помогать.

Вот наконец-то следопыт остановился, что-то прочистил рукой и застыл камнем. Асылзак в нетерпении:

– Што там?

Подался вперёд, посмотрел из-за спины Загбоя вниз. В темноте не сразу смог разобрать. Какие-то чёрные или бордовые куски. Может, камни... или опять лошадь мёртвая. Присмотрелся внимательно и... замер от ужаса. Под ногами Загбоя лежат два изъеденных человеческих трупа.

Агафон

Дружно звякнуло тонкое железо. Агафон выставил на прилавок в ряд шесть кружек, с хитрой улыбкой выхватил из ящика гранёную четверть крепкой водки, содрал ножом сургуч, ловко ударил ладонью по дну бутылки, выбил пробку. Говорливым ручейком зажурчала по посуде горячительная жидкость из кружки в кружку. Налил всем поровну, по половине. Закончив разливать, оставил в сторону бутыл, взял крайнюю посудину, предложил всем поддержать:

– С удачным окончанием охоты, Калтан!

Невысокого роста, с залоснившейся, скомканной бородой хакас сверкнул глазами, растянул на плоском лице довольную улыбку, обнажив на голове патлатую шевелюру густых волос, сорвал с головы заношенную соболью шапку, живо протянул за водкой грязную руку:

– Пасипа, трук Кафон! Карашо сополя топывали. Пелки много, лиса, колонок есть. Торговать путем.

Проворная рука Ченки схватила свою дозу спиртного. Желая задобрить гостя, торопливо затараторила:

– Калтан – кароший окотник! Много зверя допыл, всегда к нам на покругу ходи. У Агафона лавка кароший, много добра, всё что надо таст.

Следом за ними разобрали кружки остальные: добродушная, несколько перепуганная или, скорее всего, забитая жена Калтана Наталья, широкоплечий восемнадцатилетний сын Харзыгак и не пропускающий такого удобного момента Иван.

Дружно выпили. Хакасы шумно задышали, едва не задохнулись от крепкой водки. Калтан схватил ковш с водой, Наталья замахала руками, Харзыгак вытаращил остекленевшие глаза. Ченка громко захохотала, схватила с прилавка солёного хариуса, стала учить друзей, как надо закусывать. Агафон и Иван молча крякнули, не поморщившись, и стали посмеиваться над гостями.

Агафон спокойно крутил усы, гладил бороду и удовлетворительно крякал в кулак. Иван закурил самокрутку. Ченка бесперебойно лопотала о своих хозяйских делах, о прошлогодней покруге Калтана и ещё о многом другом, что может взбрести в голову подвыпившей женщине, когда у неё развязывается язык. Хакасы проворно намазывали на хлеб икру, мёд, сахар, клали поверх дольки нечищеного чеснока, едучего лука, заливали весь «деликатес» сгущённым молоком и, не морщась, уплетали щедрое угощение хозяина лавки.

Агафон ухмылялся: «Жрите, чалдонское отродье, пока я добрый. Завтра за всё вычту». А сам тем временем разлил по кружкам ещё.

– Ну что, дорогие гости. – И широко развёл руками. – Приглашаю!

Никто не отказался. Все выпили по второй, уже не закусывая, перебивая друг друга, заговорили на разные голоса.

Агафон понял, что пришло его время, задумчиво почесал затылок, медленно, нараспев заговорил:

– А что, Калтан, долг-то принёс?

– Как же! – воскликнул осмелевший охотник. – Калтан никогда не врал. Всегда долг отдавал. Так, Ченка?

Тунгуска утвердительно закачала головой, искоса поглядывая на водку:

– Калтан кароший друг. Сказал, стелал. Никогта не врал.

Хакас строго посмотрел на жену, топнул ногой:

– Натаська! Тавай котомку!

Послушная женщина выскочила на улицу и уже через минуту возвратилась с мешком. Калтан развязал верёвочку, выкинул на прилавок пять соболей. Все удовлетворительно зака-

чали головами: да уж, аскыры как на подбор! Пять котов, и все тёмные, с проседью. Агафон покраснел от удовольствия, однако вида не показал, взял соболей и поочередно рассмотрел каждого опытным взором. Да уж, ничего не скажешь, хороша пушнина!

Для солидности, поддерживая напряжение и набивая себе цену, хозяин лавки ещё какое-то время крутил шкурки, осматривал мех, мездру, прострелы. Но не к чему докопаться, хорошие аскыры, первый сорт!

Наконец-то Агафон согласно улыбнулся, связал шкурки прочной, суровой ниткой, небрежно бросил их в угол, где уже возвышалась гора скупленной пушнины:

– Ладно. Так и быть, соболей принимаю. А где белка?

Калтан проворно сунул руку в мешок, поочередно выдернул и бросил на прилавок три десятка белок и огненную лисицу:

– Вот! Как каварил, допыл, принёс. А лиса – тебе на шапку! Дарю! Кароший ты друг, Кафон, никогда не обманываешь. Всегда много водки наливаешь, и в голодный год в долг даёшь. Знай Калтана!

Агафон расцвёл, широко улыбнулся. Хотя и знал, что хакас каждый год задабривает его какими-то подарками, но всё равно приятно, когда о тебе не забывают. Не зря в прошлом году выставил лишнюю четверть спирта. Однако не забыл поблагодарить охотника. Люди тайги чувствуют отношение. Тут уж ничего не скажешь. Приходится льстить и стелиться перед каждой тварью, чтобы все знали его как доброго и щедрого купца, да, не дай бог, не пронесли пушнину мимо его лавки на Покровский прииск, где другие, такие же предприимчивые, купцы возьмут драгоценный товар уже по другой, более высокой цене.

– Спасибо, Калтан Иванович! – тут же придумал охотнику звучное отчество, так как знал, что люди тайги любят, когда их величают, как русских. – Не забуду твоей доброты, – полез под прилавок, вытащил на стол ещё одну четверть водки. – А это тебе от меня, в знак нашей дружбы и признательности!

Тут же повернулся назад, взял долговую книгу, карандаш, полистал страницы, что-то вычеркнул:

– Вот, всё. Весь твой прошлогодний долг списан. Теперь ты мне ничего не должен...

Вздумал Калтан глухарём: шутка ли, сам Агафон его щедро потчует! Заходил по лавке, как медведь с ульем. Языком щёлкает, руками размахивает, надул губы, как налим на нересте. Вот как хорошо все получается, не зря всю осень соболевал на ульских россыпях! Тут тебе и уважение, и почёт, и доброе внимание. Хорошо русский купец гостя принимает, теперь он всегда будет ходить к купцу с пушниной. Наконец-то немного остыл, с гордостью смотрит на окружающих:

– Теперь тавай товар. У Калтана ещё сополя есть. Отнако надо муку, крупу, провиант, моей Натаске платье, вон-то, цветное. А Харзыгаку новый винтовка тавай! Парень польшой, метветя бьёт, сохатого, сополя. Как на медведя с ношом ходи? Зверь сильный, заломать мошет...

– Да что ты, Калтан Иванович! Торопишься куда? Разве дорогих гостей так принимают? Пойдём в гостевую избу. Гулять надо, а товар отпускать завтра будем. Неси сюда всю свою пушнину, клади в угол, здесь никто не тронет, ты меня знаешь. Я лавку на замок закрою, никто не зайдёт...

Калтан согласен. От выпитого захмелел, ему хочется продолжения праздника. Так уже было не раз, каждый год его здесь хорошо встречают, поят, кормят. Гулять, так гулять! А пушнина что? Кто её здесь тронет? Все люди честные, сам Агафон лавку на замок закроет. Заорал на жену:

– Что стоишь, как пень? Таскай в лавку котомки!

Покорная Наталья топчется на месте. Не отводит глаз от цветного платья. Очень уж хочется ей сегодня вырядиться перед окружающими.

Видит Агафон, назревает проблема. Широко улыбнулся женщине, снял с вешалов платье, бережно подал Наталье:

– Это тебе, дарю!

Та ошалело схватила обновку руками, благодарно сверкнула глазами в ответ, загадочно посмотрела на Ченку. Будет теперь чем похвалиться перед подругой!

Харзыгак тоже мнётся, чуть не плачет. Смотрит в угол, где пирамидой составлены ружья. Агафон понял и этот намёк. Подошёл к стене, долго перебирал ружья. Наконец-то взял новый, короткий шомпольный карабин, подал парню:

– Бери. Завтра рассчитаемся...

Наконец-то все довольны. Шумная компания дружно вываливается из лавки и направляется в гостевую избу. Впереди всех важно шагает Ченка. В ее руках две четверти с водкой. За ней торопится Иван, несёт сумку с закуской. Следом шагает Харзыгак. Сегодня он самый счастливый человек. На его плече висит тяжёлый, новенький, короткоствольный карабин. Его пытается обогнать пьяненькая Наталья. Трясущимися руками женщина прижала к своей груди платье. В голове мелькают мысли о том, где можно переодеться.

Сзади всех Калтан и Агафон. Хакас внимательно смотрит, как купец показательно закрывает на большой амбарный замок свою лавку: нет, тут точно никто не залезет. Разве можно попасть за дверь, если на ней висит железо?

Калтану и невдомёк, что сзади лавки есть ещё одна дверь, чёрный вход, про который знают немногие. И что сегодня же ночью хитрый и жадный Агафон проверит всё, что находится в мешках у простодушного охотника. Проверит и по возможности заменит черных соболей на более светлых.

А хозяин лавки ухмыляется:

– Пойдём, Калтан, водка киснет. Раз такой дорогой гость пришёл, значит, гулять будем всю ночь, до самого утра!

Хакас преданно смотрит Агафону в глаза, негромко просит:

– Скажи Ивану, пусть на гармошке играет. Я танцевать хочу. Натаська хочет. Харзыгак хочет.

Тот увлекательно хохочет:

– Конечно, конечно, друг! Скажу. А вон, слышь, Ванька и сам взялся за музыку.

Слышит Калтан – точно, из гостевой избы уже несутся переливы двухрядки. Эх! Для охотника звуки гармонии – что мёд для медведя! Бросился на звуки, как глухарь к капалухе, только пятки засверкали.

Агафон с отвращением плюнул вслед: гуляй, лохматые, пока я добрый. Сегодня ваш праздник, завтра будет расчёт...

В гостевую избу Агафон не пошёл. Что там делать? Смотреть на пьяные рожи да целоваться с рассопливившейся хакасей? Нет, это не для него. Он своё дело сделал, затравил чалдонов водкой, как марала солью. Теперь долго не оттащишь. Будут пить и просить водку, пока со двора не прогонишь. Будут полоскаться, пока бутылки не опустеют. А там и Ченка, и Иван, хрен с ними. И на их долю хватит. Пушнина того стоит. Здесь, в тайге, взял по одной цене, а в городе соболя уйдут в десятикратном размере. Икрыной таймень того стоит. Вот только жаль, что товар-то Набоковский. Эх, развернуться бы самому, да не по зубам конфетка. Надо сидеть, молчать и скрываться до поры, как карасю от щуки. А скоро это время настанет. Агафон чувствует это всей своей прожжённой душой.

Он покосился на окна дома, увидел спрятавшееся женское лицо. Сжал кулаки, тяжело задышал. Эх, время пришло. Надо идти. Прикинул, что Иван в гостевой будет, пока у бутылки дно не отвалится. А потом пойдёт к своим лошадям. Ух, как уж он без них не может! Любит навоз нюхать. Опять будет Буланку седлать да по ограде скакать. Ну и ладно, хорошо. А он тем временем...

Направился к дому, тяжело забухал по ступеням крыльца – хозяин идёт! А сам ухмыляется: эх, кто-то сейчас дрожит телом! Заиграла кровь, как в молодости. Вошёл в избу, дверь за собой на засов. Огляделся, на кухне никого.

– Пелагия! – рявкнул басом. – Накрой на стол, жрать охота.

В ответ тишина, как будто пустой дом, никого нет. «Неужели успела удрать? – думает. – Да нет же, только сейчас видел в окошко».

Прошёл в чулан, к запасному выходу. Нет, закрыто, где-то в избе. Вернулся в дом, заглянул в комнаты, под кровати, тоже никого. Да где же она? Никак на втором этаже... Дождидается... Прислушался к потолку, а где-то сзади, на кухне тихо – шлёп-шлёп. Что это? Да то же босые ноги! Бросился назад, а Пелагия уже у двери, засов открывает.

– Не смей! – заорал. – Хуже будет!

Женщина отдёргнула руки, осела, сжалась в комочек, на глазах выступили слёзы.

– Ты что же это, хорошая моя, – приближаясь к ней, смягчил голос Агафон. – Ну, будет. Будет хныкать-то! Удрать хотела? Зачем? Ты что, меня боишься?

Пелагия молчала, опустив голову. Он подошёл к ней, осторожно погладил по голове. Она задрожала гибким прутиком, робко попыталась отстраниться:

– Не надо... Иван...

– Что Иван? Он водку жрёт с чалдонами, – глухо ответил Агафон, вдруг резко подхватил её на руки и быстро понёс на второй этаж.

Она не сопротивлялась, уже привыкла к насилию. Просто скомкала на груди заглубившие от работы ладошки. И даже тогда, когда он бросил её на кровать, безропотно запрокинула голову.

А Агафон уже стягивал с неё заношенное платье, тяжело вздыхая, прикусывал кедровые орешки сосочков на молодой, упругой, не знавшей детского рта груди и грузно наваливался на обнажённое тело.

Почувствовав себя подвластной, Пелагия негромко застонала, вцепилась руками в его могучие, бычьи плечи, отвернулась к окну и закрыла глаза.

...Вечер. Сквозь оконные стёкла бьёт багряный закат. Маленькое солнце, прощаясь с уходящим днём, зацепилось за рубцы гор. В комнате тихо, спокойно, темно, как в погребе. На полу, у печи чистит шубу лохматый сибирский кот. Пелагия, сидя на кровати, заплетает распущенную косу. Агафон на своём месте у окна, на массивном кедровом стуле. Покуривая папироску, взором строгого хозяина смотрит на широкий двор. Перед ним на столе стоит початая бутылка дорогого коньяка, пустой стакан и несколько видов таёжных разносолов. Пыхнув дымом, он берёт бутылку, наливает в стакан очередные сто граммов, одним махом глотает коньяк, неторопливо закусывает крохотными груздочками, черемшой, красной икрой.

Сзади с кровати встала Пелагия, негромко зашлёпала босыми ногами к лестнице.

Агафон повернул голову:

– С хозяйством управишься, поднимешься. Ждать буду. Да недолго там...

Пелагия шумно вздохнула, пошла вниз, загремела посудой. Агафон опять уставился в окно, равнодушно глянул на гостевую избу, на озеро, на холодный голец. Скучно. Кругом тайга. На тысячи километров. Всё одно и то же. Как на каторге. Хоть и живет он здесь как у Христа за пазухой, но всё одно, как соболев в капкане. Вроде всё есть: и еда отменная, и женщины, и власть, и воля. Да только где она, воля? В тайге. В город нельзя, с законом нелады. Тем более, на родину, на вольные Поволжские земли. Там – смерть. В лучшем случае, каторга. А это всё едино. Собрать бы капиталец – да за границу. Там ещё можно пожить. Да только разом капитал не наберёшь. Лавка вон и то хозяйская, Набоковская. С царского стола достаются только объедки. Конечно, можно откупить пару приисков, деньги уже есть. Да только документов нет. Ну, ничего, придёт время. Дела потихоньку идут, осталось совсем немного. Подвалил бы фарт – взять казну, да мохнатую. Тогда и можно удила закусывать, пробираться на запад. И тогда своё заточение на прииске он будет вспоминать как страшный, нелепый сон. Время ещё есть,

он не стар, всего лишь сорок семь лет. Двадцать годов ещё можно протянуть, где-нибудь у тёплого моря, с молодой женой под боком. Нет, надо выбираться, и не позднее этой весны. Иначе можно совсем одряхлеть, застопориться навсегда в этой дикой Сибири.

Агафон шумно вздохнул, налил ещё сто граммов, выпил, закусил. Опять задумался. Вспомнил Дмитрия: «Вот хитрый плут. Пригвоздил на месте. А так бы, глядишь, сейчас бы где был? А может, и к лучшему. Загнил бы на каторге, или кости парил... Нет уж. Всё равно, годы недаром прошли...»

Он наморщил лоб, явственно припоминая тот майский день, когда он познакомился с Дмитрием. Это было перед Троицей. Когда душеприказчики с приисков набирают наёмных рабочих на сезонные работы. Тогда ему было некуда деваться, а тут хоть обещали хорошую пайку да оплату. Подошёл, записался. Дмитрий тогда сидел в конторской избе, оценивал мужиков, а может, что и высматривал. На него он не обратил особого внимания. Мужик да мужик, что такого? Таких сотни. Порой каждого и не упомнишь. И ростом невелик, как все. Ну, широк в плечах, кряжист, под рубахой – медвежьих мускулы. Однако все бергалы – старатели так выглядят. Тяжёлый физический труд делает людей богатырями. Только вот в отличие от мужиков как-то выделялся: тогда ещё не пил, не курил, был замкнут, скрытен и хитёр. Но это ещё не всё. Главной, особо заметной чертой было то, что Агафон любил чистоту и порядок. Он не выносил грязную одежду, коротко постригал волосы на голове, следил за бородой и усами, носил с собой ножницы, расчёску, мыло и даже зубной порошок и щетку. Это выделяло его в массе народа: наряду с грязными и оборванными бергалами, выдавшими воду только по баням, он был всегда чист и опрятен. Его речь и манеры вести себя благопристойно и культурно вызывали у всех удивление и любопытство. Никто не знал, что в жилах Агафона текла белая, барская кровь, а в годы своей былой юности он учился, но не закончил офицерский кадетский корпус.

Уже на следующий день перехода, когда он вместе с двумя сотнями бергалов шёл сюда, на Новотроицкий прииск, к нему присохло вполне подходящее прозвище – Чистоплюй. Отнёсся он к этому вполне равнодушно, как к кедровой шишке, которая случайно упала ему на голову. Однако очень быстро прозвище кануло в неизвестность, так как на смену ему пришло другое, более весомое и уважительное, – Кулак. А случилось это при обстоятельствах, мгновенно сделавших его знаменитым на всех приисках.

Кто не знает, что старатель-золотарь большую часть своей сознательной жизни проводящий в тайге, на приисках, при тяжёлых физических нагрузках и условиях, сопоставимых с жизнью каторжника-кандалника, крепок духом, широк костью, жилист, да и силой сравним разве что с медведем? Молва о бергалах как о истинно русских богатырях до сего дня передаётся из уст в уста оставшимися в живых старожилами.

Одним из самых наиболее видных личностей на таёжных приисках, выделявшийся ростом, силой, надменными манерами, уважаемый среди своих, был Архип по кличке Шкворень. Почему его так звали – неизвестно. Благодаря своей медвежьей силе был он невероятным занудой, драчуном и, как это иногда бывает у людей, главенствующих в кругу какого-то общества, хвастуном. Он не имел себе равных, к людям относился свысока, в полной уверенности в своём превосходстве. И так случилось, что в первый же день по прибытии сюда, на Новотроицкий прииск, между ним и Агафоном случился конфликт. Теперь не понять, что стало причиной ссоры, может, манеры новенького возмутили Архипа, или он просто хотел поставить его на место. Вышло так, что Шкворень как-то обозвал Чистоплюя.

Далее всё произошло непредсказуемо. Всегда равнодушный к обидам, Чистоплюй вдруг налетел на Шкворня коршуном и, не давая ему опомниться, в три удара завалил громилу себе под ноги. Как потом оказалось, он сломал Архипу переносицу, разломил в двух местах челюсть и отключил его на добрых десять минут. Четверо верных друзей и помощников Шкворня на какой-то миг открыли рты, но потом, совладав с собой, бросились на помощь товарищу. Пре-

восходство сил старателей было явно налицо, и исход драки был предрешён заранее. Однако случилось невероятное. Ловко лавируя телом и головой от широких размахов сыпавшихся на него кулаков, Чистоплюй избежал всех ударов, одновременно посылая противникам короткие, точные и очень сильные зуботычины. В несколько секунд вся бравая команда защитников уже лежала под его ногами с разбитыми рожами.

Все, кто находился рядом с местом происшествия, были повержены в шок. Более всего произошедшему изумился Дмитрий. Всю короткую драку от начала до конца он наблюдал с мезонина своего нового дома. Он был поражён спокойствию, хладнокровию и мастерски отточенным ударам Чистоплюя, что в некотором роде походило на отторжение собачьей атаки посаженным на цепь хищным, матерым волком. Да, это было похоже на драку домашних животных со зверём, где первые бросаются на своего врага с визгом и лаем, а он, молча, полный спокойствия и решимости, хладнокровно отбивает атаку. Глаза! Его глаза поразили Дмитрия больше всего. Лёд, гнев, злоба и смертельная угроза читалась в глубоких, узких, пронизательных зрачках. Уверенность в своих действиях в сочетании с твёрдой верой в победу повергли в страх окружающих.

Дмитрий понял, что для достижения своей цели Чистоплюй не остановится ни перед чем. Окажись в ту минуту в его руке нож, ружьё, топор или еще какое-то другое оружие, он бы убил не задумываясь. И это внушало ужас старателям и самому хозяину прииска. Дмитрий прекрасно понял, что своим дерзким поступком Чистоплюй мгновенно стал неоспоримым авторитетом. Именно такой человек был ему необходим, нужен, но уже не как разнорабочий на заимке, а как смотритель, охранник и поверенный в его делах. Дмитрий сразу же назначил его приказчиком и очень быстро понял, что не ошибся в своём выборе.

Агафон-Кулак оказался грамотным человеком, хорошо разбирающимся в делах торговли и надзора. В короткий период времени он удивил хозяина своей находчивостью и стал незаменим в обсуждении всех существующих проблем на прииске, если точнее выразиться, – правой рукой Дмитрия. Однако дальше старшего – во время отсутствия Набокова, – на прииске Кулак продвинуться не мог. Он довольствовался положенной ему властью, но выезжать в город отказывался по разным причинам.

Теряясь в догадках от скрытного образа жизни своего подчинённого, Дмитрий не однажды пытался выяснить причину самовольного заточения в тайге, но всегда натывался на непреступную стену таинственности, которая окружала прошлое Агафона и вообще всю его личность. Из любопытства Дмитрий попытался навести о нём справки. И очень скоро через знакомого пристава узнал, что это совсем не Чистоплюй, и тем более не Агафон-Кулак, а знаменитый на всю Россию Василий Николаевич Русаков, матерый бандит, насильник и убийца, главарь разбойничьей шайки – Васька-Удавка, некогда державшей в страхе весь Урал. И своё прозвище он получил за то, что при каждом нападении на обоз любил душить свою жертву уздечкой или вожжами. Позже, в силу складывающихся обстоятельств и усилий Государственного департамента полиции, шайка была поймана и уничтожена. Оставшиеся члены банды были осуждены к пожизненной каторге в Сибири. Непонятно каким образом Агафон с этапа бежал, скрылся в неизвестном направлении и теперь находился в российском розыске.

Поразившись бурному прошлому Агафона, боясь такого страшного человека, Дмитрий хотел сразу же сдать его властям. Однако быстро понял выгоду от сотрудничества с разбойником. Хозяину была нужна власть, крепкая власть на прииске в его отсутствие, и он умолчал об Агафоне, стал ему покровительствовать и даже укрывать от всевозможных домогательств со стороны тайных агентов полиции.

И стал Васька-Удавка жить припеваючи, как бурундук при орехе. Но только боялся, что кара настигнет его за грехи прошлые. Живёт, а сам каждого куста боится...

Агафон нервно налил ещё коньяку, махом выпил, закусил. Тоскливо посмотрел на закат, нахмурил брови: что-то Пелагия долго копошится, никак хочет заставить его ждать. Надо бы

пойти поторопить, гавкнуть разок, а то запрячется где-нибудь у Ченки, вытаскивай её потом оттуда!

На широком дворе возникло движение. Закрутили хвостами собаки, из дверей избы эвенкийки вышла Уля. Посмотрела на особняк, поправила косы, заторопилась к гостевой избе.

«Ах ты, красота ненаглядная! – хмельно подумал Агафон. – Выросла. Однако пора тебе настала. Как бы кто другой не перехватил... А что это так намалевалась? Рожу накрасила, бирюльки на себя повешала. Никак перед кем рисуется? Не к добру это, надо посмотреть, а то, может, этот хакасёнок Харзыгак вперёд залезет...»

Он встал, подошёл к стене, где за потайной доской лежала заветная шкатулка. Открыл ларчик, достал тяжёлую жестяную коробку, хлопнул крышкой. Какое-то время жадно смотрел на украшения, гладил ладонью кольца, серёжки, подвески, цепочки. Выбрал небольшие серьги с рубиновым камушком посередине. Хороши! Не много ли будет? Да нет, в самый раз, клонет, да и девственность того стоит...

Спрятал серьги в карман, остальные драгоценности убрал на место. Спустился вниз по ступеням. Навстречу в двери вошла Пелагия с ведром, полным молока. Агафон ухмыльнулся: знать, к удаче...

– Что так долго? – косо бросил женщине.

– Так пока управишься, всех накормить надо. Иван-то – вдрызг, – подавленно ответила Пелагия, проскальзывая мимо него.

– Ну, ты тут это, того, печь топи да на стол накрывай. А я пойду, посмотрю, что они там... – выдавил он и, не договорив, хлопнул дверью.

Торопливо зашагал к гостевой – подмораживает. Не доходя до избы, услышал брань, какие-то разговоры да непонятный шум. Открыл дверь – заулыбался. Ульянка здесь, тормошит пьяную Ченку, хочет увести её домой. Та весело хохочет, заваливаясь из стороны в сторону, пытается обнять и расцеловать дочь. Посреди комнаты дерут друг друга за волосы Калтан и Харзыгак. В углу за печкой в новом, уже до неузнаваемости грязном платье сидит Наталья. Она плачет, под левым глазом огромный синяк. Пытается подняться, но не может, до такой степени пьяная. За столом спит Иван. «Вот и ладно, хорошо, – с удовольствием подумал Агафон. – Как всё и надо...» И уже Уле ласково:

– Домой поведёшь? Подожди, я тебе помогу.

Сам к столу, собрал все ножи, ружьё, открыл двери, выбросил в снег: не убили бы друг друга по пьянке. Взял початую бутылку с водкой, сунул в карман тулупа. Подхватил Ченку на руки, скомандовал Уле:

– Открывай двери!

Девушка, как подмороженная осина, удивлённо приподняла руки, широко открыла глаза. Шутка ли, Агафон впервые в своей жизни взял мать на руки, хочет нести домой. С чего бы это? Однако собралась сознанием, торопливо бросилась вперёд, широко открыла дверь, пропустила его на улицу, проворно засуетилась:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.